ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 42 (2425) Среда, 26 мая 1948 г. Цена 40 коп.

По-сталински заботиться о людях

«Характерная особенность нашей революции состоит в том, что она дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и возможность зажиточной и культурной жизни». Словно гигантским прожектором озаряют эти слова великого Сталина наш путь к дальнейшему под'ему благополучия, к росту культурно-бытового уровня народа.

Заботе о человеке неустанно учили великие вожди человечества Ленин и Сталин. Горький писал об отношении Ленина к людям: «...Это было именно сердечное внимание истинного товарища, чувство любви равного к равным...» «Мы должны прежде всего научиться ценить людей», — говорил товарищ Сталин тринадцать лет назад на выпуске академиков Красной Армии.

Сколько волнующих примеров внимательного, чуткого отношения к человеку дает нам деятельность великих вождей революции Ленина и Сталина! Бесконечно занятый государственными делами, Владимир Ильич находил время, чтобы справиться — назначена ли пенсия матери убитого бандитами начальника Казанского угрозыска. Получив письмо от красноармейца, приехавшего в Москву с Дона, он поручает своему секретарю: «...разыщите автора спешно, примите, успокойте, скажите, что я болен, но дело его двину»... Как много в этом отеческой отзывчивости, глубокой чуткости, благородства, любви к простому человеку!

У жительницы маленького украинского города Кролевец Анны Шуляк тяжело заболела трехлетняя дочь. Состояние девочки было тяжелым, а врачей-специалистов в городе не было. Анна Шуляк решила обратиться за помощью к товарищу Сталину. «Родной товарищ Сталин, — телеграфировала она в Кремль, — умирающему ребенку Шуляк необходим специалист по ушным болезням... Помогите спасти ребенка». Ровно через три часа Шуляк получила молнию из Москвы: «К вам выслан специалист. Известите выполнение и состояние здоровья ребенка». А еще через несколько часов прибыла вторая телеграмма, на этот раз из Киева: «По распоряжению Сталина к Вам вылетел на самолете врач». Прибывший врач немедленно сделал девочке операцию. Жизнь ее была спасена.

Характерный эпизод, свидетельствующий об исключительном внимании к людям, всегда и всюду проявляемом товарищем Сталиным, приводит в своей книге авиаконструктор Яковлев. Однажды утром его попросили срочно позвонить товарищу Сталину. Когда Яковлев позвонил, Иосиф Виссарионович сказал ему: «Передо мной лежит список наших конструкторов, представляемых к награде орденами. Вы, кажется, забыли летчика...» Так чутко, внимательно и заботливо относится товарищ Сталин к каждому советскому человеку.

По окончании войны был разработан план послевоенной пятилетки. Эта великая сталинская программа созидания озарена большевистской заботой о славных советских людях. Улучшение материальных, бытовых и культурных условий жизни, достойных народа-победителя, — важнейшая задача пятилетки.

В первом послевоенном пятилетнем плане наряду со строительством домен, мартенов, шахт, блумингов предусмотрены огромные капиталовложения на сооружение жилищ. Наряду с цифрами, определяющими рост добычи угля, указано, сколько должно быть открыто детских садов. Одновременно с выпуском паровозов и тракторов установлен об'ем производства медикаментов. Сталинская забота о человеке отражена в каждой строке нашего пятилетнего плана.

В одной из значительнейших книг нашего времени, в труде Н. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», есть такое место: «Совершенно неграмотными, а чаще всего — прямо клеветническими являются попытки сравнивать жизненный уровень рабочего класса СССР с жизненным уровнем рабочего класса, например, в капиталистической Англии или США только по размеру денежной зарплаты. К денежной зарплате рабочих в СССР необходимо добавить, по крайней мере, государственные выплаты во время болезни, отпусков по родам, за очередной отпуск, выплаты из фонда директора, бесплатное образование и стипендии, расходы на повышение квалификации, бесплатную медицинскую помощь и организацию отдыха, государственные расходы на содержание детских учреждений и выплаты пособий многосемейным. Все это, в отличие от капиталистических стран, увеличивает среднюю денежную зарплату рабочих в СССР дополнительно на 38 процентов».

Вам известно, что удельный вес капиталовложений в жилищное строительство в общем об'еме капитальных работ по народному хозяйству увеличен в нынешней пятилетке до 14,5% против 10,5% в период третьей пятилетки. 42,3 миллиарда рублей против 15,5 миллиарда рублей в третьей пятилетке, не считая расходов на индивидуальное жилищное строительство, ассигновано по пятилетнему плану на 1946—1950 годы.

Такая забота о простых людях мыслима только в нашей стране, где все усилия правительства и большевистской партии направлены на неуклонное и последовательное улучшение благосостояния народа.

Вот почему каждое отдельное проявление невнимания и нечуткости к людям вызывает острую реакцию у каждого советского патриота. Писательская общественность, активно вторгаясь в жизнь, выступает против проявлений бездушия и бюрократизма. В «Литературной газете» писатель П. Вершигора недавно сообщал о невнимании к героям Отечественной войны в Туле и Иванове. О бездушной и бездумной политике использования школьных зданий на всякие иные нужды сигнализировала статья писателя Николая Атарова. Против невнимания к нашей замечательной молодежи, которая приходит на заводы в качестве пополнения рабочего класса, выступил в своей статье писатель Владимир Курочкин.

Советский литератор — инженер человеческих душ — должен всегда неудержимо и страстно восставать против каждого, ставшего ему известным, случая невнимания или нечуткости к человеку. Он не может проходить мимо таких фактов.

«Человек есть украшение мира», — учил нас Алексей Максимович Горький. Забота о человеке, чуткость к запросам и нуждам человека в нашей стране, внимание к человеку — святое дело, завещанное нашему народу Лениным, тщательно оберегаемое, неуклонно развивающееся в стране, руководимой великим Сталиным. По-сталински заботиться о человеке, ценить людей, растить их, помогать им — закон советского общества, победоносно шествующего к вершинам коммунизма.

Николай ВИРТА

НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ

Письмо из Праги

От специального корреспондента «Литературной газеты»

Вечернее солнце еще заливало своими лучами чешскую столицу, когда наш самолет приземлился на пражском аэродроме — лучшем во всей этой части Европы. Быстро закончились необходимые формальности, и вот в четвертый раз за последние годы я иду по улицам этого прекрасного древнего города.

Внешне в Праге как будто бы не произошло никаких перемен — та же живая, веселая толпа, поток автомобилей, обычная сутолока в кривых и узких уличках старого города, яркие витрины, перезвон трамваев, тот же старичок продает газеты и журналы на площади у памятника Вацлаву.

Но вот я замечаю то, чего в прошлом году не видел и видеть не мог. На здании дощечка с надписью: «Центральный Комитет Действия Национального фронта»... Здесь помещается организация, рожденная февральскими событиями, организация, которая заставила трепетать чехословацкую реакцию. В этом доме представители народа собирались для того, чтобы положить предел махинациям политических спекулянтов, замысливших отдать республику во власть Уолл-стрит. Новый, освобожденный от врагов демократии аппарат управления и распределения должен служить народу, только ему, только его интересам.

И все плакаты, которыми заклеены сейчас улицы Праги, говорят только об этом — о единстве нации, исполненной твердой решимости строить жизнь по-новому, о едином избирательном списке, о том, что выборы нового парламента, назначенные на 30 мая, должны напрочно, навсегда закрепить завоевания февраля, о вечной дружбе с Советским Союзом, о благодарности советскому народу, который не раз помогал в беде народам Чехословакии.

Сейчас по всей стране развернулась борьба за получение как можно более высокого урожая. Этому в огромной степени способствовала проведенная в стране земельная реформа.

Я был свидетелем грандиозной демонстрации людей, от труда которых зависит продовольственное благосостояние страны: шесть тысяч сел прислали своих представителей в столицу народной демократической республики, чтобы поблагодарить правительство Готвальда за все сделанное им для земледельцев после февральских дней.

Теперь в Чехословакии земля принадлежит тем, кто на ней работает. Земельная реформа, осуществленная новым правительством по инициативе министра Дюриша, произвела буквально переворот в чехословацкой деревне. В феврале 100.000 крестьян, собравшихся на Вацлавской площади, проголосовали за народную демократию, за единство нации. Сейчас эти люди обещали правительству и народу в течение ближайших пяти лет повысить производительность сельского хозяйства страны на двадцать процентов по сравнению с довоенным уровнем и тем самым раз и навсегда покончить с угрозой недорода из-за природных условий, столь часто нависающей в последнее время над этой частью Европы.

В солнечный воскресный день по площади двигались бесконечные колонны крестьян. Они были одеты в яркие национальные костюмы, а лозунги, которые они несли, красноречиво говорили о чувствах и настроениях народа: «Сегодня ясно, что с Готвальдом мы победим!», «В одном фронте мы все идем за Готвальдом!», «Мы жизнь на земле переделаем!», «Что одному невозможно, то всем легко!»...

* *
*

В тот же день я встретил в гостинице темполицего, с вьющимися седеющими волосами и черными проницательными глазами мужчину. Он остановился возле меня и быстро заговорил о чем-то на мягком певучем языке. Подошел мой спутник, и дело раз'яснилось: человек этот оказался известным бразильским писателем Жорже Амадо и спрашивал он меня о том, как ему пройти на какую-то улицу.

Мы познакомились. Бразилец вынул визитную карточку. На ней было напечатано: Жорже Амадо, депутадо федераль. Руа да Глориа, 52.

Все это было недавно — и депутатство в бразильском парламенте, и квартира на Руа да Глориа, 52. Один из крупнейших писателей Южной Америки, автор девяти прекрасных романов о страданиях и горестях его народа, человек, о котором вся демократическая пресса Латинской Америки писала, что он всегда стоял на страже интересов народа, активный член бразильской компартии, сподвижник и биограф легендарного Престеса — Жорже Амадо теперь изгнанник. Но он полон пламенной веры в победу демократии, охвачен страстным желанием сплотить всех изгнанных из его страны, об'единить во имя победы своего народа. И целью всей его деятельности сейчас является борьба с бразильскими фашистами и их главарем Дутра, являющимися верными прислужниками американской реакции.

Все написанное Жорже Амадо правительство Дутра сочло вредным и запретило. Из книг Амадо был устроен костер — их сожгли на площади в присутствии официальных представителей фашистского режима. Но Амадо писал и после этого аутo-да-фе...

В начале 1948 года Дутра лишил всех коммунистов—депутатов парламента неприкосновенности, мандаты их были аннулированы, партия об'явлена вне закона, в тюрьмы были брошены лучшие люди страны: художники, писатели... Партия решила, что Амадо должен эмигрировать. Амадо уехал сперва во Францию, где его приняли не очень ласково, потом в Италию, но и там он прожил недолго. Теперь он в Чехословакии.

После его от'езда полиция ворвалась в квартиру на Руа да Глориа, 52. Полиция искала Престеса, ушедшего в подполье. Не найдя героя бразильского народа, полицейские разгромили квартиру Амадо, уничтожили рукописи, библиотеку, личные письма Горького, Барбюса, Ромэн Роллана... С огромным трудом жене Амадо — хрупкой, тоненькой женщине с сыном — маленьким Жуаном—удалось уехать из Бразилии.

Амадо полон веры в победу дела демократии не только в Бразилии, но и во всем мире. Он говорит, что народ Бразилии начинает понимать, куда, в какую трясину ведет его Дутра, и что силы компартии, несмотря на запрет, отнюдь не разгромлены, а попрежнему вдохновляют народ на борьбу.

Новая демократия Чехословакии дала Амадо не только право убежища, но и все условия для разносторонней деятельности. Министр информации Копецкий, принимая Амадо, просил его видеть в Чехословакии не чужбину, а страну, где все честные прогрессивные люди найдут понимание и помощь.

Сегодня я встретил Амадо веселым и бодрым.

— Хороший воздух здесь, в этой стране, — сказал он мне оживленно. — Хорошие люди здесь...

* *
*

То, что Жорже Амадо столь поэтически назвал «хорошим воздухом»,—это чистая, свежая атмосфера новой демократии. Ее как-то по-особенному ощущаешь именно сейчас, в эти дни, когда чехословацкий народ готовится к выборам.

Это будут подлинно демократические выборы, во время которых народные массы сумеют совершенно свободно выражать свою волю и определить состав будущего парламента. Характерно, что по сравнению с 1946 годом число зарегистрированных избирателей возросло почти на полмиллиона человек. Как подчеркнул в одном из своих выступлений министр внутренних дел Носек, голосование будет полностью и строжайшим образом охраняться. Агитация на избирательных участках строжайшим образом запрещена. Каждый избиратель может по собственному желанию голосовать либо в открытом, либо в закрытом помещении, где он вправе еще раз обдумать свое решение и подготовить бюллетень к опусканию в урну.

Активное участие в подготовке выборов принимают работники культуры, в том числе и писатели Чехословакии. Именно они сочли необходимым напомнить сейчас народным массам о том, что враги прогресса и демократии внутри страны ушли в подполье и поэтому каждый трудящийся должен быть на-чеку и проявлять особую бдительность в день выборов — 30 мая.

Уверенно, спокойно и удовлетворенно смотрит чехословацкий народ в свое будущее...

ПРАГА, 25 мая.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«ЗА ЭТО ОТВЕЧАЕТ ЗАВОД»

Письмо директора завода «Красное Сормово»

Директор завода «Красное Сормово» тов. Рубинчик Э. Е. в своем письме в редакцию «Литературной газеты» пишет, что статья писателя Владимира Курочкина «За это отвечает завод», напечатанная в «Литературной газете» от 19/V с. г., совершенно правильно вскрывает крупные недостатки в трудоустройстве и культурно-бытовом положении молодых рабочих на заводе «Красное Сормово».

«Считаю совершенно правильной и справедливой критику, направленную против руководства завода за допущенную нами большую текучесть молодых рабочих, особенно в прошлом году. Стремясь навести полный порядок в трудоустройстве и культурно-бытовом обслуживании молодых рабочих, организации дальнейшей их учебы и повышении квалификации, нами разработаны и проводятся в жизнь конкретные мероприятия по закреплению на заводе молодых рабочих.

Статья писателя Владимира Курочкина обсуждена на совещании начальников цехов и отделов завода, а также со всеми работниками цехов и отделов, связанных с улучшением обслуживания молодых рабочих как на производстве, так и в быту.

Статью обсуждали на заседании партийного комитета завода, заводского комитета профсоюзов и в комитете комсомола. По всем организациям завода принимаются сейчас меры к полному устранению отмеченных в статье недостатков.

Считаю необходимым одновременно сообщить редакции «Литературной газеты», что несколько тысяч молодых рабочих из системы трудовых резервов, в том числе майского выпуска из школы ФЗО, вновь пришедших на завод сейчас, принимают своим стахановским трудом активное участие в борьбе коллектива нашего завода за досрочное выполнение годовой программы 1948 года ко дню 31-й годовщины Великой Октябрьской революции.

Надеемся, что в результате принятых сейчас мер и при активном содействии старых производственников нам удастся создать все необходимые условия для закрепления и роста молодых рабочих на Сормовском заводе».

«ПРЕСТУПНОЕ ОТНОШЕНИЕ К КНИГЕ»

14 апреля «Литературная газета» опубликовала письмо группы писателей и читателей, в котором сообщалось о том, что на книжном складе Татгосиздата скопилось почти на пять миллионов рублей самых разнообразных книг. Около 62 тысяч книг осталось в складах типографий Татполиграфа. 288 тысяч книг скопилось на складе культбазы Татсоюза потребкооперации.

Это письмо 3 мая рассматривалось на заседании Совета Министров Татарской АССР. Совет Министров принял решение, в котором критика деятельности Татгосиздата и Татсоюза признана правильной.

Совет Министров Татарской АССР принял к сведению заявление председателя правления Татсоюза т. Евдокимова о том, что статья «Преступное отношение к книге» обсуждалась на заседании правления Татсоюза, где разработаны и утверждены меры, направленные к улучшению торговли книгами в районах республики.

Принято также к сведению заявление управляющего Татгосиздатом т. Тинчурина о том, что им приняты меры к отгрузке литературы и что к концу апреля в районы республики, в другие республики, края и области уже отправлено книг на сумму 1.700 тысяч рублей.

Совет Министров Татарской АССР обязал тт. Евдокимова и Тинчурина отправить в районы всю книжную продукцию и доложить Совету Министров о выполнении этого постановления.

«САМОУПРАВСТВО»

Под таким заголовком в «Литературной газете» № 24 было напечатано письмо гвардии старшего лейтенанта В. Чвилева. В нем он сообщал, что заведующий отделом пропаганды и агитации Малгобекского горкома ВКП(б) тов. Жаворонков отдал распоряжение работникам конторы связи впредь доставлять секретарю горкома ВКП(б) по кадрам тов. Мамсурову выписанную Чвилевым «Литературную газету». Таким образом, тов. Чвилев остался с квитанцией на подписку, а газету читал другой.

Секретарь Северо-Осетинского обкома партии по пропаганде тов. С. Битиев сообщил нам, что по указанию обкома письмо тов. Чвилева обсуждалось на бюро Малгобекского горкома. Факт, изложенный в письме, подтвердился. Бюро горкома наложило на тов. Жаворонкова партийное взыскание и предложило начальнику конторы связи доставлять газету подписчику.

П. ТЫЧИНА—ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

КИЕВ. (Наш корр.). За заслуги по укреплению братских связей между славянскими народами украинский поэт Павло Тычина избран членом-корреспондентом Болгарской академии наук.

БОЛЬШЕ БУМАГИ СТРАНЕ

Производственный успех карело-финских бумажников

Выполняя принятые коллективами рабочих, инженеров и служащих целлюлозно-бумажной промышленности обязательства— выполнить пятилетку в четыре года, бумажники Карело-Финской ССР досрочно завершили реализацию полугодового плана выпуска продукции. В связи с этой крупной производственной победой редакция «Литературной газеты» вчера связалась по телефону с секретарем ЦК КП(б) Карело-Финской ССР тов. Г. Н. Куприяновым, который сообщил следующее:

— Предприятия бумажной промышленности Карело-Финской ССР уверенно набирают темпы, непрерывно увеличивая выпуск необходимой Родине бумаги. За месяц и десять дней до срока выполнен полугодовой план!

Сейчас на предприятиях широко развернулось движение передовых рабочих и инженеров за максимальное увеличение выпуска продукции к 25-й годовщине существования республики. Кондопожский комбинат, в частности, взял на себя обязательство выполнить программу третьего решающего года пятилетки к 25 июля, т. е. на пять месяцев раньше срока. Хорошо работает и Сегежский комбинат.

— Обеспечивают ли темпы, взятые ныне бумажниками Карело-Финской ССР, выполнение пятилетки в четыре года? — спросил наш корреспондент.

— Безусловно! Особенно, если учесть, что в текущем году мы должны сдать в эсплоатацию еще несколько бумажных машин, в их числе на Кондопоге одну высокопроизводительную машину, которая будет давать сто тонн бумаги в сутки. Успешно проходит сплав. Можно с уверенностью сказать, что снабжение бумажных предприятий нашей республики лесом будет проходить в нынешнем году много лучше, чем в прошлом. Все предпосылки для дальнейшего под'ема бумажной промышленности республики налицо!

В заключение тов. Куприянов заявил:

— Бумажные комбинаты нуждаются в увеличении жилого фонда; на жилищное строительство должно быть обращено особое внимание! Министерство целлюлозной и бумажной промышленности СССР обязано внимательно относиться к удовлетворению бытовых нужд бумажников Карело-Финской ССР. Мы ждем также поддержки советской общественности в работе бумажной промышленности. Опыт работы бригады Союза советских писателей и «Литературной газеты» на Кондопожском комбинате наглядно показал, как много приносит помощь общественности делу под'ема бумажной промышленности, в продукции которой заинтересована вся советская страна.

Возрожденный город

В сообщении Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов о городе Шакяй сказано необычайно лаконично: «Полностью сожжен и взорван».

Мне довелось побывать там в 1945 году. Города не было. Только обгоревшие трубы, торчавшие из груд щебня, напоминали: здесь было жилище человека...

...И вот — Шакяй в мае 1948 года. Город поднялся из руин, очистился от пепла, зазеленел, украсился. В центре высится большое, светлое здание прогимназии. Восстановлена электростанция. Работают пекарни, банк, аптеки, магазины, поликлиники, гостиница. Открыт кинотеатр на 400 мест. Есть и клуб, и радиоузел, и библиотека, насчитывающая уже 50 тысяч книг. Работают лесопильный, металлообрабатывающий заводы и другие местные предприятия.

Стройка еще не закончена. Всюду строительные леса. Но сегодняшний Шакяй — это уже живой, действующий советский город, и шакяйцы с полным правом отметили в день Победы второе рождение своего города, вспомнили замечательную историю его восстановления.

В дни подготовки к выборам в Верховный Совет СССР народ решил возрождать уездный центр своими силами. Каждый хутор посылал своих представителей на стройку. К городу потянулись крестьянские подводы с лесом и другими материалами. На строительные площадки вышло все население Шакяй. Огромную помощь оказало государство.

Пример и опыт шакяйцев стал достоянием всего уезда. Всюду кипят восстановительные работы. Но советские люди не просто восстанавливают разрушенное,—они хотят сделать свои города и села еще более красивыми и удобными. В архитектурный ансамбль населенных пунктов вносятся принципиальные поправки, возникают учреждения, которых либо совсем не было в буржуазной Литве, либо было ничтожно мало. До того, как Литва стала советской, в уезде была одна гимназия, — сейчас здесь уже открыто 11 гимназий и прогимназий, построено 12 начальных школ. Раньше в волостях не было больниц, сейчас функционируют три, столько же родильных домов и два дома для престарелых и инвалидов.

Так возрождается новая жизнь в литовских селах и городах.

Повилас ГЕДРАЙТИС.

ШАКЯЙ.

«Статьи Белинского судорожно ожидались молодежью в Москве и Петербурге с 25-го числа каждого месяца. Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, получены ли «Отечественные записки»; тяжелый нумер рвали из рук в руки. «Есть Белинского статья?» — «Есть», — и она поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами...»

Так писал А. Герцен в книге «Былое и думы»...

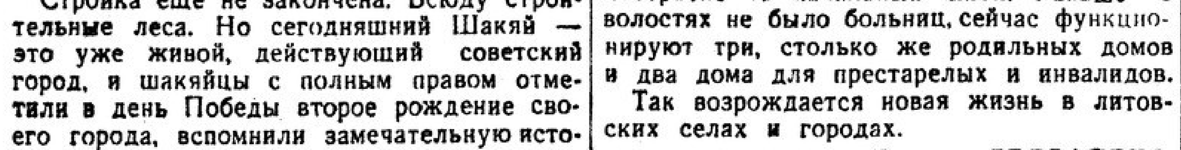
«Есть статья Белинского» — назвал свой (первый из печатаемых в этом номере «Литературной газеты») рисунок художник Б. Лебедев, автор ряда работ, посвященных жизни великого критика.

Внимательно и вдумчиво изучив эпоху В. Г. Белинского, Б. Лебедев создал галлерею рисунков, привлекшую внимание общественности на выставке, организованной Гослитиздатом. Сейчас изд-во «Искусство» выпускает альбом работ Б. Лебедева о В. Г. Белинском и серию открыток.

Второй рисунок из помещенных ниже посвящен встрече В. Г. Белинского с комендантом Петропавловской крепости Скобелевым, о которой А. Герцен писал: «Недаром Скобелев, комендант Петропавловской крепости, говорил шутя Белинскому, встречаясь на Невском проспекте: «— Когда же к нам? У меня совсем готов тепленький каземат, так для вас его и берегу» («Былое и думы»).

Тему третьего рисунка художник нашел в книге Н. Л. Бродского «В. Г. Белинский», где сообщено о том, что «однажды (в 1836 г.) Белинский в дворянском гнезде Бакуниных поразил всех своей репликой, когда во время разговора о французской революции, о казни Людовика XVI, к нему обратился хозяин дома с вопросом, что думает он об этих событиях. По рассказам современников, «Белинский встал и, задыхаясь от страсти и ярости, торжественно вскричал: «Я бы на месте их (то-есть вождей революции) трижды казнил Людовика!»

На четвертом рисунке — встреча Белинского, Некрасова, Панаева и Гончарова с Гоголем, о которой пишет в своих воспоминаниях А. Панаева.

Малая энциклопедия формализма

Бор. СОЛОВЬЕВ

Широким потоком вливается в нашу литературу молодежь, становясь в ряд с писателями старшего поколения. Многие лучшие страницы литературы последних лет принадлежат писателям, вчера еще никому не известным, а ныне признанным и любимым нашим народом.

В этих условиях особенно значительную роль играют вопросы развития и воспитания нашей молодежи, в руках которой — будущее советской литературы.

Назрела настоятельная нужда в тех пособиях и руководствах, которые могли бы удовлетворить потребности литературной молодежи. К сожалению, у нас еще слишком мало трудов и пособий, посвященных вопросам литературного мастерства, формы, которые можно было бы рекомендовать. Особенно плохо обстоит дело в области поэтики, проблемы которой в последнее время почти монопольно разрабатывались формалистами, разрешавшими их вразрез с основными принципами марксистско-ленинской эстетики. Перу формалистов принадлежат книги, которые не только нельзя рекомендовать молодым писателям, но от которых литературная молодежь должна быть заботливо ограждена. В подобных пособиях и руководствах, изданных порою довольно давно, но и поныне еще имеющих хождение, извращенно трактуются вопросы формы, мастерства, — им придается самодовлеющее значение, они изолируются от вопросов идейных, общественно-политических.

Разбитый в открытых схватках формализм все еще не сложил оружия; он рядится в тогу особой научности — «академизма», той «об'ективности», в основе которой—аполитичность, стремление увести искусство от разрешения наиболее существенных жизненных задач, ограничить его кругом вопросов специфически профессионального характера, не связанных с жизнью и запросами нашего народа. Эта мнимая научность и «академизм» формалистов, их стремление выдать свои отсталые «теории» за последнее слово науки могут ввести в заблуждение иных молодых литераторов. Именно поэтому мы считаем необходимым остановиться на одном из формалистических наукообразных «трудов», — на «Словаре поэтических терминов», который составлен А. П. Квятковским и отредактирован С. М. Бонди.

Этот словарь вышел несколько лет назад; его выпустило Государственное издательство иностранных и национальных словарей накануне войны, и большие исторические события отвлекли от него внимание нашей общественности. Однако он остается до сих пор единственной книгой подобного рода, им широко пользуются молодые литераторы, и нельзя оставить без соответствующей квалификации и оценки то нагромождение формалистического вздора и мусора, который тщательно собран составителем, разложен по алфавиту и представлен в этом словаре, как наиновейшее достижение науки без какой бы то ни было критической оценки и проверки. Составитель, он же и автор словаря, не только сам стоит на об'ективистских и формалистических позициях, но и с величайшим благоговением воспроизводит высказывания идеологов формализма и декадентства в искусстве.

Естественно, что в «Словаре поэтических терминов» в первую очередь необходимо было бы показать и раз'яснить основы высокого поэтического мастерства, богатство форм и красок многонациональной поэзии народов Советского Союза, — богатство, обусловленное тем, что искусство, выражающее дух народа, служащее его интересам, никогда не замыкалось в круг узко-формальных вопросов, никогда не ограничивалось ими. Но понимание этого совершенно чуждо Квятковскому.

Высказывания классиков марксизма-ленинизма о языке и литературе, высказывания великих критиков-демократов, высказывания передовых литературоведов-марксистов, связывающих вопросы формы, мастерства с вопросами идеологии, жизни и развития общества, обойдены в этом словаре. Зато чуть ли не на каждой его странице мы читаем: «по терминологии В. Пяста»; «это явление С. Бобров назвал пастиччио»; «термин А. Белого»; «термин поэта И. Рукавишникова»; «термин А. Крученых»; и т. д. и т. п., причем все эти «теории» выдаются за последнее достижение науки.

Сам автор—составитель словаря не отстает от тех, кого столь усердно и благоговейно цитирует: он изобретает и вводит в словарь свою собственную терминологию, отсебятину, казалось бы, совершенно неуместную в издании подобного характера. Целые страницы словаря посвящаются раз'яснению того, что такое «тактометр», «инверсированный ритм», «константный ритм» и т. п. Вся эта наукообразная терминология автора, так же как и терминология его коллег по формализму, не имеет ничего общего с подлинной наукой.

Мало того, что составитель изобретает свою терминологию; он не прочь поразить читателя словаря и своим собственным стихотворным искусством, образчики которого и приводит:

Автомобилями до зеркала накатанный асфальт
Полировало вечереющее солнце.
Голубоглазый пересыпанный смешинками контральт
Перелетел автомобильное оконце.

И такого рода захолустные стихи, которые не напечатал бы ни один современный журнал, преподносятся в словаре, как образец для учебы и совершенствования.

Впрочем, это и немудрено.

Автор определяет поэзию, как «словесное искусство, основанное на образных представлениях. В более узком понимании П. — стихотворное искусство, организуемое на особых правилах версификации». Вот, с точки зрения такого узкого понимания, сводящего поэзию к версификации, и составлен весь этот словарь.

Характерный пример: у крупного поэта, выдающегося мастера Валерия Брюсова, кроме книг, имеющих подлинно художественное значение, есть и такие, в которых воплощались декадентские и формалистические представления об искусстве, — именно к этому ряду относится его книга «Опыты по метрике и ритмике, по эвфонии и созвучиям, по строфике и формам». Так вот, — не те произведения, в которых сказалось мастерство Брюсова, а именно эта явно неудачная, специфически версификаторская книга, отдающая дань формалистическим теориям и извращающая смысл и назначение поэтического творчества, фигурирует как одна из основных в словаре. И составитель усердно выписывает из нее и «акростих-сонет», посвященный Николаю Бернеру, и «анациклические стихи», которые можно читать от начала к концу и от конца к началу, и «гиперкаталектические окончания», и «панторифмы», в которых все слова рифмуются, и «ропалический стих», в котором слова постепенно увеличиваются в слоговом об'еме, и «фигурный стих», имеющий вид треугольника...

Страницы этого издания загромождены всякого рода мусором, никому не нужными справками и сведениями. Так, составитель считает своим долгом сообщить, что «венки сонетов» писал Н. Шульговский, хотя при этом не сообщает, что эти «венки» никакого художественного значения не имели. Так мы узнаем, что некий А. Туфанов писал «месо-стихи». Но для чего напоминает нам составитель фамилию давно забытого «заумника» Туфанова, не оставившего никакого следа в поэзии, — непонятно.

Впрочем, надо отметить, что автор и вообще явно расположен к «зауми», каковую и преподносит, можно сказать, словно золотое яблоко на серебряном блюде, в сопровождении комментариев, лишенных хотя бы и намека на критику, на то, что «заумь» — один из наиболее очевидных симптомов разложения декадентского искусства. Нет, составитель с величайшим почтением, как пригодный для поучения «образец заумного языка футуристов», цитирует следующие стихи В. Хлебникова:

Кукарики — кикику.
Папа пупи пигиги!
Мород, мород, миучали
Капа, капа, кап!
Эмч, амч, умч!
Думчи, дальче, дольчи!

И все эти «папа пупи пигиги» широко представлены в словаре, ибо любой формалистский чих кажется автору-составителю заслуживающим внимания и поощрения.

Составитель витает где-то в далеком прошлом, и его художественные представления безнадежно устарели, — недаром он то и дело, как образчики поэтического творчества, приводит стихи Бальмонта, Северянина и других декадентов, хотя бы и не отличающиеся никакими художественными достоинствами и воспринимающиеся нами в чисто пародийном плане.

Стихи Пушкина и Маяковского, стихи лучших поэтов прошлого и советских поэтов, нередко приводимые в качестве примеров, выглядят в этом словаре совершенно случайными и необязательными вкраплениями, тонут среди чисто формалистических рассуждений и стихотворных «образцов», призванных подкрепить «теории» самого составителя и тех «авторитетов» от формализма, на которых он ссылается.

Весь словарь пронизан духом об'ективистской аморфности, аполитизма; составитель совершенно игнорирует то, что общественные и литературные взгляды иных поэтов, стихи которых он приводит, как образчики поэтического мастерства, потерпели полный крах. Ему до этого словно бы нет никакого дела. И стихи Бальмонта:

Я ведь только облачко,
Видите—плыву
И зову мечтателей,
Вас я не зову, —

кажутся Квятковскому всего только примером им же изобретенной «инверсии ритма» и ничем больше. А то, что смысл приводимых стихов, их направленность неприемлемы для нашего читателя, то, что нельзя на подобного рода декадентски-идеалистических стихах воспитывать нашу литературную молодежь, — это составителя словно бы и не касается.

Только ложное представление о том, что наука, — и поэтика в том числе, — находится вне борьбы, вне политики, могло породить этот словарь, в котором даже само слово «революция» приводится всего только как материал для идиотской и, в сущности, оскорбительной словесной игры — оказывается, из его букв можно составить слова «лицо», «ловец», «ревю»...

К такой пустой игре сводится все то, чему может научить этот словарь, хотя в нем и есть некоторое количество технически верных определений и нужных сведений.

Конечно, с подобных позиций нельзя было по-настоящему продемонстрировать в «Словаре поэтических терминов» подлинное мастерство, высоту и разнообразие форм русской поэтической речи и поэзии других народов Советского Союза. Сам Квятковский пишет в предисловии: «Составитель «Словаря» не может не высказать своего глубокого сожаления, что по целому ряду обстоятельств ему не удалось включить в свою книгу хотя бы наиболее значительные термины поэтики, встречающиеся во всех национальных литературах СССР».

Но, конечно, составитель поступил бы более правильно, если бы вместо того, чтобы выражать «глубокое сожаление» по этому поводу, постарался бы восполнить этот пробел, а не загромождал свой словарь терминами, изобретенными формалистами на свою же потребу.

А. Квятковский указывает в предисловии: «Задача составителя «Словаря» заключалась в раскрытии поэтических терминов в таких определениях и с такими иллюстрирующими примерами, чтобы эта книга была полезной прежде всего молодым работникам художественной литературы: студентам-словесникам, молодым поэтам, руководителям литературных кружков и самим литкружковцам, а также преподавателям литературы».

Но «Словарь» Квятковского ни в малейшей степени не способствует разрешению этой задачи, ибо может привить иным молодым литераторам ложные взгляды на творчество, на его характер и назначение, извратить самые основные представления о задачах и целях литературы, о значении формы и мастерства.

«Словарь» отредактирован известным пушкинистом С. М. Бонди, который, следовательно, несет такую же, как и составитель, ответственность за выпуск этого словаря, являющегося своего рода малой энциклопедией формализма.

Возможность выпуска подобного «Словаря» с особой остротой ставит вопрос о необходимости основательной разработки проблем марксистско-ленинской эстетики и в частности поэтики. Отставание теории в данной области может самым нежелательным образом сказаться на развитии нашей литературы, на росте наших молодых писателей, которых необходимо вооружить самой передовой марксистско-ленинской теорией литературы.

Мир ДЖАБАР

ОГНИ ВЫШЕК

Один старый русский советский писатель, прочитав альманах «25-я весна», изданный в 1945 году к двадцатипятилетию Азербайджанской ССР, сказал мне:

— Азербайджан! Баку—город нефти!.. А тут?.. Нет, тут даже не пахнет нефтью!..

С горечью я выслушал тогда эти правдивые слова.

Правда, было бы неправильно утверждать, что образ рабочего-нефтяника чужд творчеству азербайджанских писателей. Есть произведения, в которых он получил яркое воплощение. Пьеса Д. Джабарлы «В 1905 году», драма С. Вургуна «Ханлар», повесть М. Гусейна «Комиссар», пьеса М. Эльвера «Утро Востока» рассказывают о рабочих нефтяного Баку — героях сражений, развернувшихся в Азербайджане в период подготовки пролетарской революции и в годы борьбы за установление советской власти.

Особенности тех лет, конечно, наложили отпечаток и на проблематику произведений. Показывалась прежде всего боевая деятельность бакинцев, а производственная тема отступала на второй план.

Действительность между тем настойчиво выдвигала эту новую проблему. Тысячи энтузиастов-нефтяников упорно исследовали земные недра и добывали все больше нефти. Их трудовой подвиг ждал от писателей правдивого изображения.

В трех наиболее крупных произведениях, увидевших свет в 1947 году, сделана первая попытка осмыслить и художественно отобразить широкие работы, которые ведутся на просторах Апшерона по освоению новых нефтеносных площадей.

Этому посвящена, во-первых, повесть «Тайна недр» М. Сулейманова. Автор, молодой инженер, пришел в литературу, вооруженный научными знаниями.

Герои повести — люди нового склада; их новаторство, научно обоснованный риск обеспечивают рекордную добычу нефти. Теоретически и на практике они доказывают возможность освоения глубинных пластов, богатых нефтью, борются за свой новаторский проект и побеждают.

Но первое произведение молодого писателя не лишено существенных недочетов. Удачно рисуя картины напряженной борьбы за нефть, Сулейманов мало раскрывает внутренний мир своих героев.

Говоря о труде бакинских нефтяников, автор не показал, как многонациональна их дружная семья. В повести действуют преимущественно азербайджанцы, если не считать главного инженера-геолога армянина Месропа и единственного русского — председателя месткома.

Между тем известно, что на нефтяных промыслах Баку, кроме азербайджанцев, работает много русских, армян, татар, людей других национальностей. Сейчас автор перерабатывает повесть для издания отдельной книгой, и следует надеяться, исправит недостатки.

И. Эфендиев, автор пьесы «Светлые пути», глубже проникает в душевный мир своих героев. Он находит для каждого характера особые черты, типические качества. Эти герои — тоже молодые инженеры советской школы: властный, грезевый и расчетливый Эльмар, мягкий и несколько восторженный, влюбленный в свое дело Салим и молодая женщина Гюльара.

В пьесе ярко показан образ секретаря парткома промысла — русского большевика Васильева. Васильев умело направляет энтузиазм молодых инженеров. Они пытливо ищут новых возможностей для под'ема нефтяного хозяйства, не успокаиваются на достигнутом, не останавливаются перед трудностями. Они соревнуются между собой, подтягивают отстающих, обучают молодых рабочих.

Автор талантливо рассказал о том, как огни новых нефтяных вышек, выросших там, где «не росло ничего, кроме горькой полыни», притягивают к себе все лучшее, молодое, сильное, что есть в Азербайджане.

Жаль только, что одна из основных тем пьесы — обучение молодых кадров—разрешена недостаточно убедительно. Драматург не нашел верных средств для изображения сложного процесса формирования кадровых рабочих и командиров производства из деревенской молодежи. Рост рабочих рисуется внешне, прямолинейно, словно путь их учебы так уж легок и прост.

Азербайджанский прозаик старшего поколения М. Гусейн эпиграфом для своей повести «Апшерон» взял двустишие В. Брюсова:

Только труженикам—слава,
Только им—венок в веках!

Автор показывает людей, навсегда связавших свою судьбу с добычей нефти, — тех, кто считает работу нефтяника призванием, «хоть и трудной, но почетной профессией».

Было время, когда только беспросветная нищета и страх перед голодом заставляли людей приниматься за подневольный в ту пору и каторжный труд нефтяника. Это время еще живо в памяти старшего поколения бакинских рабочих. Герой повести М. Гусейна — старик Рамазан, говорит своему ученику: «Если в прошлом тебе вздумалось бы увидеть ад, ты должен был бы приехать на бакинские промысла... Ты не видел желонки! Покойный Киров говорил, что капиталисты придумали ее для того, чтобы мстить рабочим...»

В противовес мрачному прошлому М. Гусейн показывает в повести сегодняшнюю жизнь тружеников Апшерона, вооруженных первоклассной техникой, вдохновенно работающих для процветания своей советской Родины. Старый Рамазан, который в годы реакции скрывал в своей лачуге молодого Сталина, а позднее вместе с Кировым закладывал первые разведочные буровые на Каспийском море,—теперь один из ведущих мастеров на промысле. Так же, как опытный русский мастер Тимофей Сидорович, он уверен в том, что «нефть является другом молодежи, а молодежь — другом нефти», и поэтому неустанно учит новичков, делает все для укрепления этой «дружбы». Оба старых мастера — деятельные и заботливые организаторы производства. Таковы же Гудрет и Лалэ, для которых нет на производстве «мелочей». Они — враги застоя, подлинные новаторы, горячие сторонники всего передового.

В повести нарисован также правдивый образ молодого рабочего—Тагира Байрамлы, пришедшего из деревни, чтобы стать нефтяником. Внимательно следит автор за первыми шагами своего юного героя, за его духовным ростом. Читателю становится ясно, что Тагир современем станет хорошим мастером нефтяного дела.

Убедительно показывает писатель руководящую роль партии в деле развития нефтяного хозяйства, сталинскую заботу о бакинских рабочих. Повесть говорит о нерушимой дружбе между людьми разных национальностей, о благородном патриотизме тружеников нефти.

М. Гусейн, И. Эфендиев, М. Сулейманов первые в азербайджанской литературе попытались создать произведения о героических днях послевоенной сталинской пятилетки. Творческий и самоотверженный труд передовых советских людей они сделали главной темой своих новых произведений,—и в этом их несомненная заслуга.

Бор. ДУНАЕВСКИЙ

ВТОРОЕ СЕРДЦЕ

Больше десяти лет назад Владимир Демихов начал эксперимент, сулящий замечательные открытия. Когда эта работа была начата, убеждение о невозможности пересадки органов еще далеко не было опровергнуто. Оно основывалось на множестве опытов, проведенных учеными в течение ряда десятилетий. В их числе были нашумевшие в свое время работы Воронова. Этот парижский врач пересаживал человеку железы внутренней секреции и добивался повышения жизнедеятельности организма. Вскоре, однако, трансплантат — пересаженный орган — рассасывался или отмирал, и у пациента наступала тяжелая депрессия.

Из неудачных опытов Воронова наука, однако, извлекла пользу: ученые установили ошибку экспериментатора. Она заключалась в том, что в пересаженном органе отсутствовало кровообращение. Ошибку пытались исправить: авторы новых опытов сшивали кровеносные сосуды. Но тогда реципиент — новый хозяин пересаженного органа — погибал от свертывания крови или от тромба кровеносных сосудов, возникавшего в месте их соединения. Среди множества этих безуспешных экспериментов мелькал и проблеск надежды. Некоторые работы советских и зарубежных ученых, в частности, замечательные опыты профессора Н. Богораза, подтверждали гипотезу о возможности приживления пересаженных органов. Почему в таком случае не осуществить замену сердца — этого главного органа, поддерживающего жизнедеятельность организма?

Так подошел Владимир Демихов к задаче, решение которой ныне составляет цель всей его жизни. Он был в то время студентом биологического факультета. В 1937 году, когда молодой ученый решил поставить первый в своей жизни эксперимент, он еще не окончил курса.

У профессора замысел студента не встретил сочувствия. Он посоветовал Демихову больше читать и поменьше предаваться «бесплодным мечтаниям».

Но Демихов прочитал немало, а не мечтать он просто не мог. И студент приступил к осуществлению своего эксперимента.

— Что такое сердце? — думал он. — Это — аппарат, нагнетающий кровь в артерии, вены и капилляры. Значит, надо создать такой аппарат и заменить им сердце, когда последнее отказывается выполнять свою работу. Механическое сердце не будет знать ни невроза, ни порока, ни миокардита, потому что протез не подвержен болезни. Мышцу в нем заменит эластичная мембрана, а сокращаться ее заставит электрический ток.

И вот однажды в одной из лабораторий факультета была произведена операция, не имевшая прецедента. У собаки вырезали сердце и на место его поставили протез. Механическое сердце включили в кровеносную систему животного, а провод вывели наружу и соединили с электрическим мотором.

Можно представить себе ощущение экспериментатора в тот момент, когда он включил ток и увидел, что механическое сердце пульсирует и собака живет.

Через полтора часа животное погибло. Смерть наступила от свертывания крови, неизбежного при соприкосновении с металлом протеза.

Три года спустя Демихов осуществил новый эксперимент. К этому времени убеждение о невозможности пересадки органов было изрядно поколеблено. Его опровергали замечательные достижения знаменитого офтальмолога академика В. Филатова, успех советского ученого Лапчинского, пересадившего одной крысе ногу, отрезанную у другой, а также некоторые работы других ученых. И вот на операционном столе у Демихова появился кот, которому в паховую область было пересажено второе сердце, и сердце это жило.

Война прервала научную работу Демихова до конца 1945 года, когда его демобилизовали из армии. На военной службе он был патолого-анатомом. Его работа состояла в том, чтобы в случае смерти раненого установить, правильно ли его лечили, все ли было сделано для сохранения жизни воина. И на этой работе он по-новому осознал старую, давно знакомую истину, что непосредственная причина смерти больного всегда одна: остановка работы сердца. Значит, надо найти возможность заменить сердце или, по меньшей мере, облегчить его работу. Для этого прежде всего необходимо приживить реципиенту новое сердце. И не в пах, где оно бездействует и испытывает давление кожи, а в грудную клетку — в центр кровеносной системы. Так, к тому времени, когда Демихов переменил военную форму на штатский костюм, у него уже созрела идея новой серии опытов.

Молодой экспериментатор встретил помощь и поддержку у многих советских ученых. Руководители ряда научных учреждений — советские люди, не боящиеся итти на риск ради науки и славы своей Родины, дали ему возможность осуществить задуманные им эксперименты.

Профессор Петряев — научный руководитель школы дрессировщиков — предоставил Владимиру Демихову лабораторию этой школы и подопытных животных. Здесь-то и добился молодой ученый первых своих успехов. Собаки со вторым сердцем, пересаженным на место вырезанной доли легкого, перестали умирать под ножом хирурга, как это было при первых опытах. Они умирали позднее — сначала на вторые сутки, потом на четвертые. Собака «Димка» с пересаженным ей сердцем щенка прожила пять суток. Когда животное с двумя работающими сердцами прожило восемь дней, Демихов решился представить свою работу на суд научной общественности.

В апреле 1947 года состоялся доклад молодого ученого на совещании физиологов, биохимиков и фармакологов, в мае — в обществе патофизиологов.

Работы Демихова получили признание. Ученые особенно восхищались хирургической техникой операции. Она была признана исключительной, блестящей, виртуозной, даже потрясающей. Так оценили ее профессора А. Магницкий, А. Смирнов, М. Маршак, И. Аршевский, Н. Федоров и многие другие столь же крупные и известные советские ученые.

Лишь в одном месте не нашел Демихов ни сочувствия, ни поддержки: в институте хирургии Академии медицинских наук — в том самом институте, где он числится научным сотрудником. Дело в том, что кормить предоставленных школой подопытных собак должен был институт, точнее, заместитель директора института по хозяйству Васьковский. Он-то и был непосредственным виновником гибели «Рыжего»...

26 сентября 1947 года на лабораторном столе в груди «Рыжего» начало биться второе сердце. Собака легко перенесла операцию. Собака поправилась: она лаяла, бегала, принимала пищу. Пищу, которую работники школы, урезывая паек других собак, выделяли для подопытных животных Демихова, потому что Васьковский еды собакам не давал. Демихов обращался с просьбами, но просьбы не трогали Васьковского. Демихов жаловался тогдашнему директору института профессору Петровскому. Но профессор оставался так же холоден, как и его достойный заместитель. Наконец, Академия медицинских наук предписала Васьковскому кормить экспериментальных животных. Для этого академией были отпущены деньги и продовольствие. Все было напрасно.

Три месяца подопытных собак кормили из сочувствия работники школы и сам Демихов за собственный счет... В течение всего этого времени Васьковский сохранял холодность и равнодушие.

Наступил день, когда «Рыжему» — этой уникальной, единственной на земле собаке с двумя живыми сердцами — была впрыснута смертельная доза сулемы. Это сделал сам Демихов. Он был вынужден поступить так, чтобы спасти собаку от голодной смерти.

«Рыжий» погиб. Преступление Васьковского осталось безнаказанным.

Профессор Петровский и сейчас работает в институте хирургии Академии медицинских наук. Он — заместитель директора по научной части. На-днях у нас с ним состоялся разговор, посвященный работе Демихова.

— Конечно, — признал профессор, — эту работу следует продолжать. И Демихову для этого предоставлены все условия.

Неправда, профессор! Этих условий у Демихова нет. Да, он имеет возможность оперировать собак. Да, сейчас ему гораздо легче работать, чем тогда, когда судьба его экспериментов зависела от Вас, профессор, и от Васьковского.

Нынешний директор института профессор А. Вишневский позаботился о том, чтобы молодой ученый мог продолжать свою работу. У Демихова есть собаки для опытов, и собак этих кормят. У него отлично оборудованная операционная, в его распоряжении — совершенные средства для исследования подопытных животных. Механическое сердце, изобретенное им в начале его научной работы, изготовляется в мастерских академии. Для этого протеза найдены такие материалы, которые не вызывают свертывания крови у реципиента.

Но и сейчас условия, в которых работает Демихов, заставляют желать лучшего. Так, ни до, ни после операции подопытные собаки не получают ни должного ухода, ни надлежащего содержания.

Мы рассказываем о работах Демихова не ради газетной сенсации. Было бы опасно переоценивать достигнутые им результаты. Работа его еще далека от завершения. Но и то, что уже сделано им,—сделано впервые на нашей планете. Молодой советский ученый смог сделать это благодаря тому вниманию, каким пользуется наука в нашей стране. Партия и правительство не жалеют никаких средств для развития передовой науки. Но все усилия ученых, все неограниченные средства государства могут быть затрачены напрасно, если судьба научного открытия будет зависеть от людей равнодушных, подобных профессору Петровскому, или преступных — таких, как Васьковский.

Советская общественность не может не возмущаться безразличным отношением к судьбе работы, сулящей замечательные открытия, благодетельные для человечества. Почему же президент Академии медицинских наук академик Н. Н. Аничков, который сочувственно относится к опытам Демихова, не создает для них должных условий? Почему Министерство здравоохранения СССР, также проявившее некоторое внимание к молодому ученому, ограничивается лишь пассивным сочувствием?

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Странная забывчивость

В Московском государственном океанографическом институте недавно получена карта Канады, Аляски и Гренландии, составленная в июне 1947 года Национальным географическим обществом в Вашингтоне. Карта содержит много новых сведений. Но вот что меня в ней поразило.

Рамка карты не доходит до Северного полюса, но несколько выше Гренландии помещено несколько строк, которые я привожу в дословном переводе:

«Роберт Е. Пири, военный флот США, достиг полюса на санях и собаках 6 апреля 1909.

Ричард Е. Бэрд на самолете. 1926.

Линколн Элсвортс, Амундсен и Нобиле на дирижабле, 1926».

Даже при самом беглом взгляде на этот список любому человеку, в том числе и не специалисту, сразу бросается в глаза более чем странное отсутствие упоминания о советской станции «Северный полюс».

Мы глубоко ценим настойчивость и выносливость Роберта Пири, посвятившего 23 года своей жизни попыткам достижения Северного полюса по льду на санях и собаках, но мы не можем не считать его экспедиции, согласно образному выражению Д. И. Менделеева, лишь «почтеннейшим из видов спорта», не давшим серьезных научных и практических результатов.

Американец Ричард Бэрд, вылетев на самолете из бухты Кингсбей, на Шпицбергене, 9 мая 1926 г., достиг Северного полюса, сделал над ним круг и через 14 часов 40 минут вернулся на Шпицберген. Этот полет показал возможности авиатехники того времени, что можно было бы доказать и в любом другом районе земного шара, но научное значение этого полета весьма невелико. То же можно сказать и о полете Элсвортса, Амундсена и Нобиле через полюс к Аляске на дирижабле «Норвегия» из той же бухты Кингсбей на Шпицбергене 11 мая того же 1926 года.

Настоящий исследователь стремится достигнуть полюса не для установления рекорда, а для того, чтобы иметь возможность произвести всякого рода геофизические наблюдения в районах, где эти наблюдения еще не производились.

Нам известно, однако, что иной раз даже крупные исследователи забывали об этой основной цели и все свои усилия направляли только на достижение полюса. Вот почему нередко раздавались резкие протесты против таких экспедиций, причем в одном из таких протестов, ярко выраженных Вайпрехтом, подобного рода экспедиции были метко названы чем-то вроде «международных гонок по направлению к Северному полюсу», отнюдь не способствующих углубленному изучению Арктики.

Только экспедиции, проведшие в Арктике длительное время, могли дать ощутимый результат.

Мысль об устройстве постоянных станций на льдах центральной Арктики—при этом по возможности у самого Северного полюса—давно уже назрела. Однако наблюдения любой такой станции только в том случае являются полноценными, если они опираются на наблюдения развернутой сети приполярных станций и соответствующих морских и воздушных экспедиций.

Это важное обстоятельство было впервые практически учтено советскими полярниками. С первых дней существования советской власти началось планомерное наступление на Арктику, причем велось оно по всему ее советскому фронту, с применением самых современных средств техники. Организовались все более и более северные геофизические станции, морские и воздушные экспедиции проникали все дальше и дальше на север. Таким образом, к 1937 году имелись все предпосылки для создания научной станции у самого Северного полюса. Такое мероприятие не имело ничего общего с «международными гонками»: оно явилось естественным завершением определенного этапа советского освоения Арктики. Поэтому организация 21 мая 1937 года советской полюсной станции является громадным научным событием, чего ни один об'ективный ученый не может отрицать. Да и самый факт организации такой станции с помощью четырех тяжелых самолетов сам по себе также имеет огромное значение хотя бы потому, что тем самым было доказано, насколько велики и конкретны познания советских полярников о льдах Центральной Арктики и как опытны советские полярные летчики.

Нисколько не сомневаемся в том, что все это отлично известно Национальному географическому обществу в Вашингтоне, и тем не менее оно полностью умолчало обо всех этих фактах.

Мы всегда по достоинству оцениваем заслуги зарубежных ученых и полярников. В частности, на карте Арктики (№ 18—19) первого тома Большого Советского атласа мира помещены маршруты к Северному полюсу и Пири, и Берда, и Амундсена. Тем более удивительно, что на карте, изданной не какой-либо частной фирмой, а Национальным географическим обществом в Вашингтоне, нет никакого упоминания о советской станции «Северный полюс».

Проф. Н. ЗУБОВ

М. ПАПАВА

О МАСТЕРСТВЕ И ПРОСТОТЕ

Появление нового имени в семье советских литераторов—всегда приметное и радостное событие. Имя А. Субботина встретилось нам впервые, и потому хотелось бы внимательно и в то же время с хорошим дружеским пристрастием оценить первую книгу молодого писателя. «Простые люди» — так называется роман А. Субботина, выпущенный издательством «Советский писатель» в 1948 году. Роман повествует о делах и днях одного из бесчисленных колхозов нашей страны в дни Великой Отечественной войны. В центре романа — фигура Марии Соломиной. Одна из многих в колхозе, честная, работящая женщина, потерявшая мужа в войну, совершенно неожиданно для себя оказывается собранием колхозников на пост председателя. Первое ее желание — отказаться. Почему именно она, и как она справится? Мало ли других? Много всяких убедительных соображений приходит в голову Соломиной. Но, по существу, все сводится к инстинктивному желанию уклониться от трудного пути.

Можно назвать много качеств, определяющих характер советского человека, но одно нам кажется решающим — это степень личной ответственности за общее. Это — желание взять на себя максимум усилий и ответственности в нашем общем деле. Именно поэтому нам показался интересным ключ, который нашел Субботин к центральному образу своего романа.

Придя в правление с абсолютной уверенностью, что она сейчас откажется быть председателем, Соломина, однако, не в силах этого сделать. Что скажет она людям, которые доверили ей судьбу колхоза, свою судьбу в трудные годы войны? Да и сев на носу.

И вот, уже втянутая ходом событий, Мария едет с бригадиром Синицыным в город получать плужки, задержанные ремонтом. Еще недавно она была просто Марусей, а сейчас — председатель. И многое меняется в ее жизни. Вот пришла Настя, подруга. Пришла жаловаться на бригадира в уверенности, что подруга не выдаст. Но Настя не права, и Марусе приходится согласиться с штрафом. Наверное, не будучи председателем, она бы тоже, как и другие женщины, настаивала, чтобы трактор из МТС вспахал личные усадьбы колхозников. Долго ли ему? Трудно ведь женщинам без мужей, да и старых много. К тому же и Мельников, МТС'овский бригадир, давно уже ухаживает за Марусей. Только мигни, и огороды будут вспаханы. Но сев не кончен, не поднята вся общественная земля, нельзя хотя бы на день, хотя бы на час отрывать тракторы. Да и сами женщины это понимают. Но ведь не всегда хочется итти самым трудным путем. В каждом человеке есть слабинка. И как явственно ощущает здесь Маруся свою ответственность! Ведь от нее, от ее решения зависит сейчас, какие качества победят в людях. И Маруся отсылает трактор на вспашку клеверов и первая берется за лопату. И самое замечательное, что народ понимает ее. Да, Маруся права. Есть в советских людях замечательное качество, они никогда не откажутся от полной меры усилий. Была бы верна и хороша цель. Вожак, руководитель, как бы суров и требователен он ни был, — он всегда поведет за собой народ. И именно слабости и потачки не простят ему.

Мы верим Субботину, что колхоз Соломиной, отстававший долгое время, становится под конец романа грозным соперником издавна славящихся передовых колхозов.

Есть у Руставели превосходные строки:

Что хранишь ты, то пропало,
Что ты отдал, то твое.

И Мария Соломина с гордостью ощущает, как сумма ее усилий и трудов возвращается к ней радостью успехов ее колхоза и каким-то новым ощущением самой себя. И не случаен в конце романа приход Соломиной в партию. Коммунист—то-есть человек максимальных усилий и высокой ответственности. Да, Соломина имеет право называться коммунистом.

Отмечая эту интересную и ведущую тенденцию романа, воплощенную, в основном, в образе Соломиной, мы вынуждены вместе с тем пред'явить немало претензий молодому автору. Хотелось бы, чтобы в первой книге нового писателя угадывался свой, неповторимый голос. По молодости писательской биографии он может быть еще не поставлен. Пусть он иногда срывается и дает, что называется, петуха, но какие-то особенности его тембра должны запомниться нам. Вот этого еще нет, к сожалению, в книге Субботина. Для него характерно хорошее знание колхозного труда и быта, но порой возникает ощущение, что не Субботин владеет материалом, а материал владеет им. Смена времен года и вместе с ней смена трудовых процессов в колхозе, сев и жнитво, очистка конюшен и ремонт инвентаря — обо всем этом Субботин повествует достаточно подробно и со знанием дела. Однако, прочтя книгу, закрываешь ее с чувством какого-то внутреннего неудовлетворения.

За последнее время у нас появилось много книг, написанных не профессиональными писателями, и эти книги бывалых людей становятся широко известными и популярными у советского читателя.

Одни из них более совершенны с точки зрения литературной, другие еще весьма сыры и не профессиональны. Но они всегда пленяют нас подлинностью материалов, взволнованностью очевидцев и участников каких-то больших событий, своей непосредственной близостью к жизни. Однако этот поток записок и дневников бывалых людей, вызванный по преимуществу глубоко и остро пережитой прошедшей войной, этот наш интерес к подлинным событиям, где фигура писателя как бы отодвинута на второй план, — ни в какой степени не снимает необходимости упорной и углубленной работы над характерами, диалогом, пейзажем своего произведения. Желание быть как можно ближе к жизни еще не означает необходимости натуралистического воспроизведения ее.

В своем желании написать просто о простых людях Субботин незаметно для себя приходит к бытописанию, где подробное описание трудовых процессов перемежается жанровыми сценами с почти необработанным «житейским» диалогом. Мы уже говорили о новом интересном ключе, в котором ведет Субботин центральный образ своего романа. К сожалению, этого нельзя сказать о других персонажах. Есть здесь и традиционно хороший дед Епифанов, этакий благолепный старик с поговоркой «сударушки». И не раз уже встречавшийся «правильный инвалид» — бригадир Синицын, влюбленный в Марусю. Существует и эвакуированная горожанка Нина Павловна, трудящаяся на полях колхоза. Существо, очевидно, положительное, но вполне безликое. Чувствуется, что она введена автором лишь для полноты набора. Несмотря на обилие имен и персонажей, запоминается, по существу, лишь строптивая Татьяна да хмурый, старательный подросток Корнюша. Как некий знак хорошей женщины, существует в романе сельсоветская Зоя. Хотя мы довольно часто встречаемся с ней, в памяти не остается ничего, кроме смутного желания автора вывести положительный персонаж, долженствующий помогать росту Марии Соломиной. В одной из сцен, видимо, отчаявшись создать Зое какой-то свой, неповторимый характер и судьбу, автор особенно подчеркивает чистоту ее комнаты и собственноручно связанное ею покрывало. Это же умиление чистотой и тишиной, этаким своеобразным внешним благолепием, характерно для Субботина и при описании райкома партии. Чисто, тихо, все таблички висят на дверях не криво, а правильно. И света много в кабинете секретаря. И сам он тихий да ласковый. В дальнейшем мы видим еще раз секретаря райкома Воронова на полях колхоза «Ударник». Но автору так и не удается создать запоминающийся и колоритный образ. Все как будто правильно, а в то же время нет живого человека. Автор заранее умилился, и потому вместо конкретного человека перед нами некий благолепный «представитель». Умиление—вообще мало плодотворное состояние для писателя. А когда в него впадает писатель молодой, это особенно печально.

Книга Субботина — отнюдь не первая на колхозную тему. Хотелось бы видеть в ней какое-то движение вперед, следы какой-то большой писательской работы над этой темой. А, к сожалению, временами ощущается, что молодой писатель зачастую решает уравнения со многими известными.

И в то же время иногда А. Субботин прикасается к подлинно интересным и большим темам нашей жизни. Такова история Татьяны, противопоставившей себя колхозу, и горечь ее жизни, когда она ощутила себя полностью выключенной из коллектива. Такова намеченная Субботиным тема соревнования между колхозами. Здесь забота иных председателей о своем личном авторитете готова перейти, по существу, в недоброжелательство к новому конкуренту. Так возникает сфера тех этических проблем, которые особенно важны и интересны нам. К сожалению, эта тема только намечена и не развернута Субботиным.

Хотелось бы, чтобы А. Субботин, прикоснувшись к подлинной и значительной этической теме в образе Марии Соломиной, шел бы и сам, вместе со своим героем, путем наибольшего сопротивления. Только на этом пути может ожидать его успех.

А. Субботин. «Простые люди». «Советский писатель». 1948. 280 стр.

В Эстонской ССР насчитывается свыше 500 народных домов. По вечерам в них собираются крестьяне. Здесь можно просмотреть кинофильм, спектакль, выставку, послушать лекцию, прочесть газеты, журналы, получить книгу в библиотеке. НА СНИМКЕ: Народный дом в волости Рапла Харьюского уезда.

Фото Г. АКМОЛИНСКОГО. (Фотохроника ТАСС).

Кирилл ЛЕВИН

На маленьких станциях Донбасса

Тот, кто видел Донбасс осенью сорок третьего года, вскоре после освобождения, тот не узнает его теперь. Вместо бесформенных груд железа и бетона, взорванных домен, разбитых копров опять подымаются корпуса и трубы заводов, башни домен, надшахтные постройки, шахтерские и рабочие поселки, окруженные цветущими садами.

В городах и на узловых станциях восстанавливаются клубы, дворцы культуры, красные уголки. Но вот судьба забросила нас на маленькие станции Южно- и Северо-Донецких дорог.

Углепогрузочная станция Рутченково. Вечер... Увязая в грязи, в темноте, к низкому, угрюмому зданию пробираются парни и девушки. Они идут в свой красный уголок — единственное место, где можно как-нибудь скоротать вечер. И хотя показывают кинофильм, уже не раз виденный ими, но все же идут — куда же деваться?

Облупившиеся, грязные стены, протекающая, ржавая крыша — таково здание снаружи. Но и внутри не лучше: стены в плесени, потолок черен от сырости, пол грязен. Тусклые лампы едва светят. На стене — огромная картина, безграмотная и аляповатая.

Начинаются танцы. Танцуют в галошах, — некуда сдать их: гардероба нет.

— Послушайте, — растерянно спросили мы у заведующего красным уголком тов. Архипова и секретаря местной комсомольской организации тов. Чапни, — как же это у вас все так запущено?

Тов. Чапни рассказал:

— Здание это давно уже не ремонтировалось — у нас нет никаких средств на ремонт. Мы обращались в райпрофсож, в дорпрофсож, к начальнику отделения дороги генералу Кухтенко — никто не помог, хотя обещаний было много. Ни один человек из этих организаций не поинтересовался, как ведется у нас культурно-массовая работа. Не поинтересовались этим и в райкоме партии.

— У нас нет библиотеки. Мы просили книг, спортивный инвентарь, шахматы, шашки, инструменты для духового оркестра. Но вместо этого дорпрофсож прислал нам вот эту картину стоимостью в 12.700 рублей. Подумать только, сколько интересных и полезных вещей можно было купить на эти деньги! — с горечью добавил секретарь...—Мы своими силами построили сцену, хотели устроить драмкружок, но нет ни грима, ни пьес, ни костюмов, ни занавеса — ничего нет. Даже комсомольский комитет не имеет своего помещения: собрания и политическая учеба происходят где попало. Наша молодежь любит спорт, но у нас нет спортплощадки, нет инвентаря. Сколько раз мы обращались в райпрофсож к тов. Гарагуле, в управление дороги, к начальнику станции — и все напрасно. Мы с завистью смотрим на соседние шахтерские поселки, они радиофицированы, а мы не можем добиться, чтобы к нам провели кабель.

Молодежь станции хорошо работает — перевыполняет производственный план, среди комсомольцев много стахановцев, но культурная их жизнь проходит в безрадостных условиях. Даже Кировский районный комитет партии в городе Сталино, к которому относится Рутченково, не помогает нам.

Мы побывали на станциях Мандрыкино, Ларино, Доля, Караванная, Чумаково... — и всюду та же печальная картина. Нет библиотеки, кинофильмы идут одни и те же по нескольку раз, не приезжают лекторы, не видно книгонош. А как страстно рвется молодежь к живому слову, к новой книге!

На маленьких станциях с иронией говорят о «блуждающем метеоре» — вагоне-клубе дорпрофсожа Южно-Донецкой дороги. На станции Ларино, например, вагон этот за полтора последних года был всего три раза.

А между тем, когда на станции Ларино заведующий партийным отделом одной газеты, случайно оказавшийся там, сделал доклад о международном положении, надо было видеть, как хлынул туда народ. Слушали, затаив дыхание, боясь проронить слово, и лектора засыпали вопросами.

Ни на одной маленькой станции не увидели мы витрин с газетами.

— Живем, как в лесу, — с горечью сказал старый железнодорожник станции Караванная Трофим Захарович Букреев, — заботы о культуре не видим...

— Как правило, на линейных станциях нет красных уголков, — заявил председатель дорпрофсожа Северо-Донецкой дороги тов. Демьянчук. Он назвал 16 станций, где до сих пор не восстановлены разрушенные клубы. Своих средств нехватает, а министерство не дает ни копейки...

Доля вины падает и на местные организации маленьких станций — месткомы, первичные партийные и комсомольские организации, которые не всегда с нужной заботой относятся к культурным запросам своих коллективов. Но средства и возможности их очень малы. Многие узловые станции, города Донбасса располагают сильными кадрами лекторов и пропагандистов. Взять хотя бы Славянск, где одних лекторов и докладчиков свыше 30 человек. Почему бы таким крупным станциям не взять шефство над соседними маленькими станциями и не посылать туда лекторов и докладчиков?

Надо сделать так, чтобы вагоны-клубы не были случайными гостями на маленьких станциях. Надо, чтобы дор- и райпрофсожи не отсиживались у себя, а поддерживали бы живую связь с местами, посылали туда своих руководящих работников и сами, собственными глазами, видели бы, что там делается.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Мы вновь говорим о чуткости!

Заместитель министра социального обеспечения РСФСР тов. М. Деревнин откликнулся на заметку А. Натольского «Мы говорим о чуткости», опубликованную в «Литературной газете» 17 апреля 1948 года. В заметке этой критиковались нелепые порядки, заведенные в районных отделах социального обеспечения: дважды в год вызывают на очередное переосвидетельствование инвалидов войны, получивших на фронте тяжелые ранения.

«Переосвидетельствование инвалидов производится в целях уточнения трудового прогноза, который, в связи с возможными изменениями в состоянии здоровья инвалида и социальными показателями, естественно, меняется. Это в полной мере относится и ко многим инвалидам-увечникам, у которых трудовые возможности также повышаются, несмотря на необратимость их дефекта».

Так начинает свой ответ тов. Деревнин. Он ничего не опровергает. Он просто раз'ясняет.

Вслед за этими раз'яснениями, но перед тем, как сослаться на различные высокие инстанции, которые-де не дают Министерству социального обеспечения проявить должную заботу об инвалидах, тов. Деревнин счел возможным согласиться с тем, что «.., в заметке правильно отмечена нецелесообразность переосвидетельствования некоторых категорий инвалидов-увечников с тяжелыми необратимыми физическими дефектами... и лиц пожилых возрастов».

Читаешь ответ тов. Деревнина и удивляешься равнодушному, бесстрастному тону, каким заместитель министра социального обеспечения говорит о нуждах людей, проливших кровь за отечество. И определения-то какие специальные подобраны: «необратимые дефекты», «инвалиды-увечники».

Не только один тов. Деревнин откликнулся на заметку «Мы говорим о чуткости». Откликнулись и те, в защиту кого выступила «Литературная газета», те, кого тов. Деревнин именует «инвалидами-увечниками с необратимыми дефектами». А мы по праву, завоеванному ими, назовем их Героями Великой Отечественной войны, славными советскими гражданами, потерявшими здоровье в боях за свободу и независимость нашей Родины.

Пишет тов. Пугачов из Славянского района Краснодарского края: «Мне от роду 67 лет, парализован, руки и ноги никуда не годятся, живу я в 20 километрах от районного центра. 10 января был на переосвидетельствовании, просил комиссию, чтобы больше меня не вызывали, — трудно ведь мне, — но просьбой моей пренебрегли — на 5 мая опять вызвали».

Пишет тов. Кукушкин из Иванова: «Я инвалид, без ноги, и тоже испытываю на себе эту «прелесть» — ходить два раза в год на ВТЭК при городской клинике № 3. Добро бы это отнимало день-два, а то ведь у нас пока очереди на рентген дождешься— недели полторы пройдет. В результате приходишь на ВТЭК вместо 10-го числа— 25-го, а райсобес за эти дни пенсию вычитает — срок, говорят, пропущен».

Пишет тов. Ларин из Москвы: «Еще в 1943 году в ответ на мой запрос по поводу нелепого издевательского переосвидетельствования инвалидов большие и малые деятели из ВТЭК пускались в рассуждения о сложности прохождения проекта нового положения в высоких инстанциях. С тех пор прошло пять лет. Я окончил юридический институт и многому за это время научился. Я убежден, что несложный вопрос о ненужности переосвидетельствования инвалидов может быть решен простым приказом министра. Не знаю, что ответил министр Вам, но если его ответ похож на ту отписку, которую прислал мне недавно заведующий отделом ВТЭ министерства тов. Авербах (отписка тов. Авербаха, пересланная тов. Лариным в редакцию, даже по терминологии настолько схожа с письмом заместителя министра, что мы не считаем нужным приводить ее здесь. — И. Б.), то ставьте перед общественностью вопрос о нем, как о плохом работнике».

В заключение своего письма тов. Ларин спрашивает, почему тов. Авербах в своем ответе-отписке обошел молчанием еще один вопрос? Дело в том, что комиссия ВТЭ Москворецкого района помещается на самом верхнем, третьем этаже поликлиники № 68, а гардероб находится в подвале. Путешествие по лестницам, столь незатруднительное для здоровых, вгоняет в пот людей с ампутированными ногами, с больным сердцем или легкими.

«Потому ли,—спрашивает тов. Ларин,— тов. Авербах не ответил мне, что вопрос о разумном размещении помещений для ВТЭК не предусмотрен в новом положении и тов. Авербаху не на что сослаться?»

На этот вопрос мы можем ответить тов. Ларину сами. Нет, не только по этой причине, а главным образом потому, что и тов. Деревнин, и тов. Авербах, и, видимо, некоторые другие работники Министерства социального обеспечения РСФСР сами страдают серьезным (для их должностей, в особенности) «необратимым» дефектом: бездушием!

И. БАРУ

И был построен дом...

История эта, так неожиданно завершившаяся недавно, началась несколько лет назад. Министерство путей сообщения предложило своему издательскому об'единению «Трансжелдориздату» строить для рабочих большой семиэтажный дом на Садово-Каретной улице.

Типографии «Трансжелдориздата» внесли на строительство дома миллион рублей из фонда улучшения быта рабочих. Грузовики издательских предприятий завезли стройматериалы. В воскресные дни и после работы наборщики, печатники, брошировщицы, корректоры приезжали на строительную площадку, расчищали ее, своими руками заложили фундамент, возвели один этаж, другой...

...И был построен дом за номером 4/6 по Садово-Каретной улице. Но... министерство сразу передало его в ведение своего центрального управления делами.

Рабочие типографий «Трансжелдориздата» были возмущены. Общественные и партийные организации — президиум ЦК профсоюза работников полиграфического производства и печати, Щербаковский, Куйбышевский, Железнодорожный райкомы ВКП(б), на территории которых расположены предприятия издательства, обратились в министерство с ходатайством о предоставлении квартир рабочим-полиграфистам. Вот что ответил им всем заместитель министра тов. Н. Синегубов документом за номером 501313:

«...МПС считает целевое выделение жилплощади в распоряжение отдельных подразделений его нецелесообразным. Удовлетворение жилплощадью работников типографий будет производиться в индивидуальном порядке по утверждаемому руководством МПС списку, который мы предложили «Трансжелдориздату» представить...»

Список был составлен. В него включены самые достойные и самые нуждающиеся в квартирах.

Два месяца назад этот список рассматривал заместитель министра тов. В. Виноградов и обещал предоставить рабочим «Трансжелдориздата» ...десять квартир.

Недавно началось заселение дома на Садово-Каретной. Распределено уже 33 квартиры, но вы не найдете здесь ни одного рабочего транспортного издательства.

Им заместитель начальника центрального управления делами МПС тов. Астафьев сообщил:

«...Согласно решению жилищной комиссии, созданной по приказу министра, «Трансжелдориздату» в доме № 4/6 по Садово-Каретной улице выделена... одна квартира».

За миллион рублей! После миллиона обещаний!

...Очень некрасивая история.

А. НАТОЛЬСКИЙ

Неутомимый исследователь

В обширной литературе, посвященной вопросам изучения и освоения Арктики, труд Н. В. Пинегина о Георгии Седове и его экспедиции займет почетное место.

Участник событий, художник-пейзажист, сопровождавший Седова в походе к Северному полюсу, Н. В. Пинегин создал своей книгой памятник подвигу русского человека, храброго сына трудового народа.

Учившийся на медные гроши, трудом и редкостными способностями преодолевший социальные и сословные преграды царской России, Седов отправляется в далекий и рискованный путь, желая прославить Родину, принести ей возможно больше пользы.

Мало кто помогает ему.

Царь равнодушен к сообщениям о предполагающейся экспедиции, морской министр Григорович ничего не знает о Седове и на скучающе-любезный, чуть иронический вопрос министра внутренних дел Макарова: «Никак, ваше высокопревосходительство решили собственным Франклином обзавестись?», — отвечает: «Не понимаю. Какой Франклин?

— Ну как же. Разве не знаете?

— Не знаю.

Григорович пожал плечами. Орлы на адмиральских погонах прыгнули вверх.

— У меня нет, слава богу, ни одного Франклина.

— Как нет? А этот, как его? Капитан Седов. К полюсу собирается...

Адмиральские орлы медленно сели на место.

— Ах... да, читал, читал. Собирается.

— Что же это, с вашего благословения?

— С моего благословения? — повел бровями моряк.

— Я думал, да.

— Ничуть. Я даже не знаю этого офицера».

Министр «не знает» Седова и дальше. Экспедиция организуется на средства реакционной газеты «Новое время», желающей этим поднять тираж своего издания. Оснащена экспедиция скверно, благотворительный комитет, составленный из каких-то ловких проходимцев, бездействует...

И на фоне всей этой чудовищной, бредовой вакханалии — чистый и светлый образ Георгия Седова, верящего в науку, в свое дело, в свою звезду, человека долга, отваги и подвига!

Н. Пинегин умер в 1941 году. При жизни его вышли в свет две первые части книги о Седове. Последнюю — описание самого похода, — написанную автором вчерне, подготовили к печати В. Ю. Визе и жена автора Е. М. Пинегина.

Читатель благодарен им за то большое впечатление, которое он получает от книги.

И. РАХТАНОВ

Н. Пинегин. «Георгий Седов». «Советский писатель». 1947 год, 376 стр.

Почти все произведения Карела Чапека, вошедшие в этот том, уже переводились на русский язык, все в них знакомо и памятно: чудесные, пронизанные светлым народным юмором новеллы, полная горького сарказма «Война с саламандрами» и, наконец, потрясающая мощью патриотического чувства «Мать». Чапек умер в 1938 году, но теперь, как и десять лет тому назад, его произведения будят живую мысль, служат идеям прогресса и демократии.

Популярность Чапека перешагнула далеко за пределы его родины. Читателя неизменно привлекало не только выдающееся мастерство писателя, но в первую очередь — его общественный темперамент, умение резко и прямо ставить социально-политические вопросы, волновавшие в те годы передовое человечество.

Непримиримость, враждебность по отношению к капиталистическому миру и его вырождающейся культуре характерны для всего творчества Чапека. Однако путь Чапека в литературе был сложным, — писатель, впитавший многие предрассудки буржуазно-либерального гуманизма, он долго не мог найти положительную жизнеутверждающую программу, и сила его была в пафосе отрицания. Усвоенные еще в годы молодости ложные историко-философские концепции приводили к тому, что он часто заблуждался. Не раз в его произведениях, как и у Анатоля Франса, возникала безнадежная идея вечного круговорота истории человечества, звучали пессимистические ноты. Только в пьесе «Мать» Чапек приблизился к желанной истине. Оставалось сделать лишь несколько шагов... Но здесь наступила безвременная смерть.

И все же, несмотря на то, что путь Чапека был сложным и трудным, его страстные обличения капиталистического варварства, острая социальная сатира были веским оружием передовых людей Запада в борьбе против империализма и фашизма. Это оружие и сейчас не притупилось.

Карел Чапек. «Избранные произведения». Английские письма. Как это делается. Новеллы. Война с саламандрами. Мать. Перевод с чешского. Редакция и вступительная статья А. Гуровича. Гослитиздат. Москва. 1947. 658 стр.

О. МОШЕНСКИЙ

Быть человеком на земле

Том избранных произведений открывают «Английские письма» — репортаж о путешествии, написанный еще в 1923 году. Внимательный и тонкий наблюдатель, Чапек с вежливой улыбкой рассказывает о некоторых забавных причудах британцев. Но вот, знакомясь с лондонскими достопримечательностями, писатель посетил выставку изделий британских колоний. И здесь уже нет и следа его иронически-вежливой улыбки. Он находит прямые и гневные слова:

«В Британской империи — четыреста миллионов цветных людей, а на выставке Британской империи они представлены лишь несколькими рекламными марионетками, небольшим числом желтых или коричневых торговцев и кое-какими памятниками старины, которые очутились здесь ради курьеза для увеселения публики. Я не знаю, что это означает: страшный упадок культуры цветных народов или страшное молчание четырехсот миллионов человек; и я не знаю, что в конце концов страшнее».

А вот впечатления Чапека от лондонского Ист-Энда, расположенного, как саркастически замечает писатель, «...недалеко от центра мира, за Английским банком, биржей и джунглями прочих банков и меняльных контор». «...Это безусловно самые грязные кварталы и самые бедные улицы на свете, и нищета здесь достигает наивысшего уровня...»

Как живо звучат эти слова сегодня, когда правители обнищавшей Британии стоят в американской приемной, выпрашивая очередной заем! Впрочем, четыреста миллионов британских подданных теперь не молчат, а громко напоминают о своих правах.

«Война с саламандрами» — самое популярное из крупных произведений Чапека. Это последний из серии созданных им фантастических социальных романов. Он своеобразен и причудлив, как и ранние «утопии» Чапека. Но здесь совершенно явственно выступает идейная тенденция романа, сатирический анализ конкретной политической ситуации. Чапек воюет с поднятым забралом. С ненавистью обрушивается он на фашизм, клеймит буржуазные демократии, политикой невмешательства расчищающие дорогу агрессору, издевается над капиталистической цивилизацией.

На одном из островов Тихого океана обнаружено племя человекоподобных саламандр. Ловкие предприниматели находят средства к тому, чтобы приручить их и использовать для работы под водой. Помещенные в благоприятные условия, саламандры проявляют способность необыкновенно быстро размножаться. Вскоре их на земном шаре уже миллионы, затем—больше миллиарда. Вместе с тем саламандры весьма успешно осваивают человеческую культуру. Впрочем, это не совсем точно: духовная культура людей их не интересует, они усваивают только внешнюю сторону капиталистической цивилизации. Чапек замечает: «...у них нет своей музыки или литературы, но они прекрасно обходятся и без них. И люди начинают приходить к выводу, что это замечательно современно». Почувствовав свою силу, саламандры превращаются в агрессоров и нападают на людей. Шаг за шагом они отвоевывают у человечества земную сушу, заливая ее водой. Саламандры циничны и наглы.

«Война с саламандрами» завершается картиной крушения человеческой цивилизации. В этом сказалась слабость Чапека: разоблачая фашизм, он тогда еще не видел силы, способной ему противостоять. Он увидел ее позднее и показал в пьесе «Мать», созданной два года спустя. Чапек с явной симпатией рисует в своей драме образ коммуниста Петра, изображает народное восстание.

С какой страстью, с каким чувством звучит в финале пьесы раздающийся по радио женский голос, призывающий патриотов стать под боевые знамена, чтобы защитить родину от агрессора! Он звучит, как голос самой родины. Писатель-демократ, антифашист Чапек выступает здесь перед нами как народный трибун.

Родной народ Чапека твердо решил: к довоенному прошлому возврата не будет. Порядок в том, чтобы «поставить вещи так, как они должны стоять».

Писатели сегодняшней Чехословакии восприняли лучшие традиции Чапека: его высокое понимание писательской честности, его ненависть к империализму. В пламени борьбы против фашизма и всех видов реакции родилась народная демократия Чехословакии, а вместе с ней и новая чешская литература, дополнившая отрицание капитализма утверждением коммунистических идей. Лучшие писатели сегодняшней Чехословакии — в рядах коммунистической партии или близки к ней. Коммунист — замечательный поэт Витезслав Незвал, коммунист — тонкий прозаик Ян Дрда, коммунистом был скончавшийся в прошлом году патриарх чешской поэзии Станислав Костка Нейман. Старейшая чешская писательница Мария Майерова прошла долгий и поучительный путь от социал-демократии к коммунизму. Крупнейший мастер чешской прозы Иван Ольбрахт один из первых среди чешских писателей стал борцом за утверждение метода социалистического реализма.

Жизненное кредо этих писателей выразил национальный герой Чехословакии коммунист Юлиус Фучик:

«Обязанность быть человеком не кончится вместе с теперешней войной, и для выполнения этой обязанности потребуется героическое сердце, пока все люди не станут людьми».

Народы Чехословакии, вопреки проискам зарубежной и отечественной реакции, твердой рукой строят свое лучшее будущее. Вместе с ними трудятся чешские и словацкие писатели. Они знают, что завоеванная в борьбе победа принесла им не право на покой, а обязанность еще самоотверженнее служить народу.

Ванда ВАСИЛЕВСКАЯ

ИХ НЕ ПОКОРИТЬ!

Когда солдат Советской Армии сорвал колючую проволоку вокруг лагерей Майданека и Освенцима, когда он освободил заключенных из десятков тюрем и лагерей в Германии, Югославии, Польше, Румынии, Болгарии и Венгрии, казалось, кровавый кошмар окончился навсегда. Казалось, что только на страницах книг, только в горьких людских воспоминаниях да на фотографических снимках останутся документы садизма и преступлений.

Но кошмар не миновал. Кошмар пережил Гитлера. Он существует до нынешнего дня.

Греческий фашизм оказался верным учеником и подражателем своих гитлеровских учителей. До нынешнего дня действуют лагери и тюрьмы. До нынешнего дня сотнями гибнут в пытках люди, единственная вина которых заключается в том, что они стремятся к свободе своей страны, к свободе человека.

Греческий народ мужественно сражался против немецких захватчиков. А далеко за морем, под крылышком американских покровителей укрывались те, кто были виновниками его бедствий, те, кто привел страну к катастрофе.

Они собирались. Вооружались. Накапливали силы на будущее.

Когда над Польшей, Чехословакией, Югославией, Румынией засияла заря свободы, греческий народ увидел, что его судьба не изменилась. Из-за моря прибыли те, кто собирал силы не для борьбы с врагом, а для того, чтобы снова взять народ Греции в железные клещи власти палачей и эксплоататоров.

Греческих фашистов поддержала, вооружила, проинструктировала, снабдила деньгами, офицерами и самолетами Америка Трумэна.

Размеры помощи США афинскому правительству, а вместе с тем и масштабы американского вмешательства во внутренние дела Греции возрастают с каждым днем.

В прошлом году греческие монархо-фашисты получили от Соединенных Штатов 300 миллионов долларов. Много больше половины этой огромной суммы, по данным, приведенным Трумэном в его отчете конгрессу, пошло на военные цели,—иначе говоря, на удушение греческой демократии.

В том же отчете Трумэн заявил о своем намерении «продолжать эту программу». И вот недавно конгресс одобрил ассигнование греческим монархо-фашистам еще 200 миллионов долларов. Сверх того афинские реакционеры получат 100 миллионов долларов по плану Маршалла. Уолл-стрит не жалеет золота на виселицы и плахи.

Но и этих средств монархо-фашистам мало. Софулис просит у своих американских хозяев новых подачек. Глава американской миссии «помощи» Греции Грисуолд, прибыв из Афин в Вашингтон, с величайшим цинизмом заявил, что конечной целью американцев является беспощадное подавление национально-освободительного движения греческого народа. Он сказал: «Греции потребуется помощь еще в течение нескольких лет... Я не думаю, чтобы все партизаны могли быть истреблены раньше, чем через несколько лет...»

Греческие монархо-фашисты, усердно отрабатывая полученные доллары, убивают тех, кто сражался против немецких захватчиков, кто до самого конца не сложил оружия, — борцов за свободу, партизан с гор, греческих солдат, боровшихся за дело освобождения народов в пустынях Африки.

Кровавые вести несутся из Греции. Каждый день отмечается новым преступлением. Террор нарастает, террор все более усиливается, беря за образец методы следствия в застенках гестапо, методы истязаний, методы казней эсэсовских мастеров смерти.

Страшные вести нарастают, как лавина. В Афинах казнены пять патриотов. В Салониках умерщвлены тринадцать человек. В Спарте убиты двадцать шесть политических заключенных. В тюрьме в Гитиои казнены тридцать семь борцов за свободу. Этот кровавый список можно продолжать и продолжать. Цифры растут, казни становятся все более массовыми.

В лагере на Макронисосе повторяются сцены, которые мы слишком хорошо знаем по Освенциму и Дахау. Во время поверки до смерти забивают «дерзких». Их выделяют в особые батальоны «неисправимых», которые уже никогда не должны выйти живыми из лагеря. Жандармы дают залпы по заключенным этих батальонов, опустошают их ряды пулеметными очередями, добивают раненых прикладами. После подобной жандармской расправы на одной из поверок не досчитались двухсот сорока трех заключенных. Трое заключенных-летчиков, убитых во время «перевозки в тюрьму», были брошены в море и записаны, как «утонувшие при попытке к бегству».

Преступники безумствуют, уверенные в безнаказанности. Когда в начале марта Греция узнала об ужасающей резне — одной из многих на Макронисосе, греческие власти поручили следствие по этому делу полковнику, который... был виновником резни. В конце мая предстоит процесс по поводу массовых казней в лагере. Только в качестве подсудимых выступают не лагерные власти, а уцелевшие заключенные, обвиненные в «бунте»...

Есть такая книжка — как странно читать ее сейчас! — английская книжка о сражающейся Греции. Это книжка Олдриджа «Морской орел». Книга о борьбе греков на Крите.

Читатель навсегда запомнит старого рыбака, отдающего единственное свое достояние — лодку солдатам английской армии, которые хотели бежать в Египет с занятого немцами Крита. Рыбак погибает, повешенный немцами. Его деревню фашисты сравнивают с землей. Но греческие бедняки, лишенные крова над головой, не жалуются. Они сражаются с врагом.

Читатель навсегда запомнит морского орла, грека Ниса, его непоколебимое мужество, его верность в дружбе, его свободолюбие. Он запомнит чудесные силуэты женщин — матерей, дочерей и жен, которые не плачут над покойниками, погибшими в борьбе. Эти женщины тоже сражаются. Они знают, что свободу нужно купить кровью.

Олдридж рисует, как по оккупированному Криту скитаются англичане и австралийцы, которым не удалось эвакуироваться со своей армией. В нищих, голодающих греческих деревнях они находят приют, пищу и одежду. Греческий крестьянин и рыбак, не колеблясь, рискует ради них жизнью, не колеблясь, идет ради них на смерть—ведь это союзники в общей борьбе против фашизма. Раненые англичане находят в горных пещерах приют, перевязку, кувшин воды, который подносят к их запекшимся от жары губам руки вдов убитых партизан...

Ныне британские солдаты, блуждавшие в то время по Криту, уже давно очутились на родине. А вот греческие рыбаки из скалистых заливов, земледельцы из зеленых долин, с белых горных склонов — весь мужественный, бедный, несокрушимый греческий народ еще не вернулся на родину.

От родины его отделяют тюремная решетка, колючая проволока концентрационного лагеря, залп карательного взвода, драконовы предписания беззаконных законов, делающих из подавляющего большинства народа рабов.

Если Ниса не убили раньше немцы, то теперь его расстреляли жандармы в лагере на острове Макронисос или в какой-нибудь из десятков тюрем, сетью которых покрылась Греция. Из английской или американской винтовки. Английской или американской пулей. Женщину, которая перевязывала раненого англичанина в горной пещере, если только она уцелела во время немецкой оккупации, сейчас забили прикладами американских или английских винтовок лакеи своей или иностранной реакции.

На наших глазах происходит одно из самых ужасающих преступлений. В Греции кровь брызжет на стены тюремных подземелий, гремят залпы, пылают деревни. Весь греческий народ поставлен в настоящее время вне закона, его преследуют, травят, убивают.

И, тем не менее, греческий народ, численно маленький, но великий своим мужеством, своим боевым духом, сражается. Свободу нельзя убить. Жажду свободы нельзя умертвить. Этого нельзя сделать, если даже получить из-за моря еще больше оружия, еще больше денег.

Соединенные Штаты превратили многострадальную Грецию в американский авианосец. А греческие фашисты, выкормленные, ободренные и оберегаемые авторами доктрины и планов, проводят беспощадную политику истребления демократов, чтобы помешать народу распоряжаться своей судьбой.

И когда из-за океана до нас доносятся слова о демократии, — мы не можем верить. Их заглушают стоны убиваемых.

Когда из-за океана доносятся слова о большинстве и меньшинствах, которые якобы во что бы то ни стало хотят захватить власть,—мы не верим этим словам. Греческий народ является большинством, а не вооруженная на американские деньги горсточка фашистов, которые предали свою страну перед войной, предавали ее во время войны и предают сейчас.

Сражался за Грецию, погибал за Грецию в жестокие годы войны тот же человек, который сейчас умирает за колючей проволокой. А предавал и продавал Грецию вчера, предает и продает ее сегодня тот, кто правит в ней ныне с американской помощью.

Мир истины, мир демократии, мир свободы — этот мир сегодня со сражающейся Грецией.

С той Грецией, которая некогда дала человечеству Гомера и Эсхила, Архимеда и Сократа, а сейчас борется за право на жизнь, на существование, на свободу. С Грецией, истекающей кровью, но несгибаемой, с Грецией, удушаемой вооруженной лапой, но непокоримой.

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

ОТРАВА—БИЗНЕС

«Белый хлеб — один из символов нашей современной цивилизации», — пишет американский журнал «Мэгэзин дайджест». Его белизна расценивается столь высоко, что владельцы хлебопекарен горделиво именуют его в своих рекламах «самым белым хлебом, который вы когда-либо видели». Однако этот «символ» современной американской цивилизации оказывается на деле весьма ядовитым в самом буквальном смысле слова: при обработке 90 процентов всей муки, производимой в Соединенных Штатах Америки, ее ослепительно белый цвет достигается путем применения ядовитого треххлористого азота в качестве белящего вещества.

Крупнейший американский физиолог д-р Антон Дж. Карлстон пришел к заключению, что белящее вещество — яд, разрушающий протеин, поражающий нервную систему и постепенно вызывающий глубокие нервные расстройства. Карлстон потребовал отказа от применения трехлористого азота в хлебопечении.

Но это противоречит прямым интересам владельцев мукомольных и хлебопекарных предприятий, которым пришлось бы при изменении производственного процесса менять и оборудование. Поэтому отдел питания Национального исследовательского совета в Вашингтоне, признав, что применение трехлористого азота представляет непосредственную угрозу здоровью населения, воздержался от требования немедленно прекратить беление муки, так как это якобы «может усугубить существующий продовольственный кризис».

Базар в Детройте

В Детройте продаются билеты на банкет с бывшим румынским королем Михаем. Стоимость билета — десять долларов. (Из газет).

Идет торговлишка лихая
В Детройте-городе чуть свет..
— Есть!.. есть!!! Билеты на Михая
По десять долларов билет!
— А вот, давайте пети-мети!..
Вы, что? Берете, господин?
— Да нет! Мы после в оперетте
Его за доллар поглядим.
Король-то он того... не больно...
Вот если б это был де Голль!..
— А что в нем есть, в твоем де Голле?..
Он «де» при нас, а так он — голь!
— Последний бум в торговом мире:
Есть! Есть! Живой король Михай!!!
— Как подают его? В мундире?
— В мундире, с перьями!
— Давай!
— Неужто с перьями? Едва ли..
Тут ухо, брат, держи востро:
Наверно, перья общипали...
— Ему-то?.. Вставили перо!
— Ты, паренек, не скинешь малость?
— Ты сам-то денег не жалей:
Почти товару не осталось!..
— Чего? Билетов?
— Королей!
— Сбрось пару долларов!
— Не сбросим!
— По десять долларов, друзья!
Пан Миколайчик шел по восемь,
А Их Величества — нельзя!..
— А вот могу по сходным ценам
Продать турецкого пашу!..
Для развлеченья бизнесменам
Всего два доллара прошу!..

. . . .

В стране коммерческой свободы
Торгуют за любым углом.
Торгуют вышедшим из моды,
Но — заграничным барахлом!

Владимир СОЛОВЬЕВ

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ОПАСНАЯ ТЕМА

Американская газета «Дейли уоркер» сообщает, что Эптон Синклер написал новый роман, направленный против применения атомного оружия, но ни одно издательство в США не согласилось принять его. Синклер издает сейчас свою книгу на собственные средства.

НЕ ХУЖЕ, ЧЕМ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Епископ евангелической церкви в Берлине Отто Дибелиус, как сообщает шведская газета «Ню даг», недавно заявил, что в крупных городах Бизонии умирает от голода ежемесячно не менее 2 тысяч человек. Руководитель отдела здравоохранения американской военной администрации в Германии подполковник Рапальский возразил, что «смертные случаи от истощения в Берлине не более многочисленны, чем в Нью-Йорке».

НОВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ДЖАЗА

Ряд американских врачей настаивает на том, что регулярное слушание джаза является отличным лекарством для излечения психических больных. В пяти лечебницах США больных заставляли петь хором под аккомпанемент джаза. Врачи пришли к выводу, что результаты этого «лечения» превосходны.

Подобный «метод» был заимствован французскими врачами дома для умалишенных в Лионе. После этого между французскими и американскими психиатрами завязался горячий спор. Французский профессор Гоффье специально отправился в Филадельфию для установления истины. Возвратившись во Францию, он заявил, что, наслушавшись «лечебной» музыки в одном из домов для умалишенных, он лично чуть не сошел с ума.

Об этом сообщает французская газета «Либерасьон».

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

◆ По предварительным данным Бюро трудовой статистики США, в 1947 году в результате несчастных случаев на американских промышленных предприятиях было убито 17 тысяч рабочих и изувечено свыше 2 миллионов.

◆ Профессор Лондонского университета Сирил Джод, автор «Руководства к современной порочности», выступил с протестом против ограничения непристойностей и порнографии в кинофильмах.

◆ Главарь Ку-Клукс-Клана в штате Теннесси (США) Стоунер подал в Конгресс петицию с требованием, чтобы конгресс официально признал негров «детьми дьявола».

В Союзе советских писателей СССР

Четыре номера „Звезды"

Состоявшееся на-днях заседание правления Ленинградского отделения ССП совместно с писательским активом и комиссией по теории литературы и критике ССП было посвящено обсуждению четырех вышедших в нынешнем году номеров журнала «Звезда».

Докладчик В. Друзин познакомил собравшихся с портфелем журнала и его перспективами.

В прениях приняли участие В. Панова, Е. Ковальчик, А. Прокофьев, Л. Плоткин, И. Эвентов, В. Ермилов, С. Бабенышева, В. Лифшиц, А. Решетов, В. Орлов, К. Ванин, Г. Кубанский, Р. Мессер, Ю. Калашников и другие.

Выступавшие отмечали, что «Звезда» в 1948 году имеет ряд достижений. Основное прозаическое произведение — повесть Е. Катерли «Стожаровы»—показывает трудовой Ленинград и героических ленинградцев в Отечественной войне. Ряд интересных произведений опубликовал поэтический отдел журнала («Сад» А. Прокофьева, стихи В. Лифшица и др.). В отделе критики помещены интересные статьи Б. Мейлаха, Б. Костелянеца, А. Дементьева и Е. Наумова. Журнал опубликовал публицистические очерки— камчатские путевые очерки С. Бытового, финляндские записи М. Михалева и др. Но одновременно с этим выступавшие отмечали, что ленинградская тема не нашла своего достойного отражения на страницах журнала. Послевоенный Ленинград — инициатор соревнования за выполнение пятилетки в четыре года—не показан даже в очерках, помещенных в журнале. Обсуждение показало, что в ленинградской организации еще не до конца изжита либеральная «всеядность». Это проявилось в опубликовании журналом идейно-ошибочной повести К. Ванина «Отец», в публикации «обтекаемых» рецензий о творчестве ленинградских писателей и поэтов.

О влиянии, которое оказывают приятельские отношения на характер оценок в рецензиях, поступивших в редакцию, говорила зав. критическим отделом журнала Р. Мессер. Влияние приятельских отношений сказалось и в самих прениях. Некоторые из выступавших яростно защищали повесть Ванина, несмотря на ее явную идейную фальшь.

В комиссии детской литературы

Комиссия детской литературы провела за последнее время ряд заседаний, посвященных обсуждению произведений писателей из областей и республик советской страны.

Комиссия обсуждала новую повесть архангельского писателя Е. Коковина «Суворовцы» — о суворовском училище. Автору был сделан ряд замечаний, в результате которых он решил продолжить работу над повестью.

Состоялось обсуждение работы ростовского писателя А. Оленича-Гнененко. В обсуждении приняли участие: С. Маршак, А. Софронов, А. Ситковский, Е. Тараховская, В. Станевич, В. Топпер, М. Лорие, Н. Емельянова, И. Халтурин, В. Смирнова, И. Желобовский.

В своем вступительном слове А. Софронов отметил многолетний упорный и разнообразный труд писателя-коммуниста А. Оленича-Гнененко, его писательскую честность и скромность, его любовь к родной природе. Оленич-Гнененко принадлежит к той породе писателей-землепроходцев, которые, накапливая жизненный опыт, умеют очень интересно передать свои наблюдения читателю.

С. Маршак сказал, что многие стихи А. Оленича-Гнененко, например, стихи о животных, хрестоматийны, в лучшем смысле слова, точны, выразительны, дают живой образ (стихотворение «Еж» и др.). Оленич-Гнененко — поэт чистый, истинный, советский. Маршак, однако, предостерегает Оленича-Гнененко против излишней литературности, описательности. Н. Емельянова отметила, что книга «В горах Кавказа» вводит читателя в мир природы, заставляет почувствовать его, заставляет думать о переделке, совершенствовании природы. Писательница сожалела о длиннотах начальной части книги, о беглой зарисовке людей.

Обсуждение коснулось также работы Оленича-Гнененко, как переводчика. Оленич-Гнененко — автор первого в советское время перевода «Алисы в стране чудес». Несмотря на несовершенство перевода, автор впервые попытался раскрыть социальную сатиру этой книги, которую старательно затушевывали все дореволюционные переводчики.

14 мая молодой украинский поэт Богдан Чалый читал в комиссии свой новый сборник стихов для детей. В обсуждении книги участвовали Л. Квитко, Н. Саконская, Ю. Яковлев, В. Россельс, Е. Россельс, Е. Городецкая, В. Смирнова. Общее внимание привлекли стихи на зарубежные темы.

Собравшиеся единодушно отметили свежее дарование молодого поэта, четкую направленность его стихов, сюжетность, действенность их. Б. Чалый, несомненно, в поэзии является учеником Маяковского, влияние которого особенно видно в стихах об Америке.

Были отобраны стихи для московских журналов. Книга Богдана Чалого предложена на конкурс Детгиза.

ПАМЯТИ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

Вечер памяти Демьяна Бедного в связи с третьей годовщиной со дня смерти поэта состоялся вчера в Центральном доме литераторов.

Вечер открыл А. Сурков.

— Три года назад советская литература, — говорит А. Сурков, — понесла тяжелую утрату, — умер Демьян Бедный, чье творчество в течение многих лет было связано с борьбой рабочего класса. Стихи Демьяна Бедного пользовались и пользуются поныне громадной популярностью в народе.

С воспоминаниями о Демьяне Бедном выступили В. Бонч-Бруевич, Л. Никулин, М. Голодный, А. Игнатьев, Д. Заславский, С. Васильев, В. Шкловский, А. Гидаш, А. Безыменский. С большой теплотой говорили они о поэте, поставившем свое творчество на службу народу.

В литературно-музыкальной части вечера выступили артисты Московской государственной филармонии и эстрады.

Молодые писатели Кузбасса

В городе Кемерово состоялась первая конференция начинающих писателей Кузбасса.

Среди делегатов двенадцати городов области были угольщики Прокопьевска, инженеры Кузнецкого металлургического комбината, горняки Таштагола, студенты вузов и работники местных газет.

Конференция открылась докладом З. Чалой «Советская литература после постановления ЦК партии о журналах «Звезда» и «Ленинград».

С обзорами творчества начинающих писателей Кузбасса выступили тт. В. Алексеев и А. Косарь. Обсуждению творчества начинающих писателей были посвящены также заседания секции прозаиков и секции поэтов. Первые работы кемеровских литераторов подверглись серьезному критическому разбору и оценке.

Конференция выявила целый ряд способных литераторов, среди которых в первую очередь должны быть названы А. Косарь — автор поэмы «Углеград», А. Ефимов — автор поэмы о старом и новом Кузнецке «Две крепости», В. Герасимов — автор поэмы «Курако», очеркисты В. Алексеев и И. Балибалов, а также Ф. Чиспияков, написавший автобиографическую повесть, в которой рассказал не только историю своей жизни, но и историю маленького орского народа.

Подводя итоги конференции, секретарь обкома ВКП(б) А. Пулях сказал:

— До сих пор литературные организации Кузбасса жили замкнуто и имели одну только «жилплощадь»—литературные страницы городских и районных газет. Конференция должна положить начало об'единению литературных сил области и расширить «жилплощадь» для творчества местных литераторов. Поэтому-то обком партии принял решение приступить к изданию областного литературного альманаха «Сталинский Кузбасс».

Это сообщение было воспринято участниками конференции с большим удовлетворением.

Михаил НИКИТИН

Клод МОРГАН,
главный редактор газеты «Леттр Франсез»

Дух Сопротивления

В сегодняшней Франции молодой безвестный писатель не имеет возможности напечатать книгу. Таково у нас положение. Издатели в большинстве своем интересуются исключительно переводами книг американских писателей и произведениями скандальными или порнографическими. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно перелистать «Библиографию Франции» — каталог новых изданий. Все сразу станет ясно. Названия книг коллаборационистов Моруа, Монтерлана, Жионо, «труды» о Лавале и Петэне, грязная стряпня всяких Кравченко, Кестлеров, Вальтенов печатаются на видном месте рядом с американскими романами. Как же вы хотите, чтобы хватало бумаги для наших молодых романистов, наших молодых поэтов? Им предоставляется умирать от голода. Издатели отдают предпочтение тем, кто проституирует свой талант.

Вот недавний пример, который показывает, в какой мере укоренилась коррупция в среде литераторов. Одному молодому писателю при помощи левых организаций удалось с'ездить в Испанию, и он вернулся с антифранкистским репортажем, который опубликовал в журнале. Затем он попытался выпустить свое произведение отдельной книгой. Издатель, к которому он обратился, заявил: «Ваш репортаж меня не интересует. Если вы хотите, чтобы я его опубликовал, «приукрасьте» его, добавьте, например, выпады против Советского Союза, тогда можно будет поговорить об издании». Писатель, у которого хватило на это совести, послушался подлого совета. Книга вышла. Она принесла автору «Большую премию за репортаж».

Для того, чтобы вы удостоверились в подлинности этой истории, я назову имена. Автора зовут Серж Груссар. Его книга озаглавлена «Испанское одиночество». А издатель—не кто иной, как хорошо известный во Франции Плон. Все эти факты мне цинично сообщил сам Груссар.

Вот она, свобода творчества! Понятно, не все молодые писатели развращены так, как достопочтенный Серж Груссар. Но им уготовано нищенское существование.

Такая же картина наблюдается во всех областях культуры. Композитор, предложив свое произведение оперному театру, слышит в ответ: «Музыка недостаточно коммерческая». Драматург узнает, что его пьеса слишком реалистична: «Публика не нуждается в пище для ума, ее надо развлекать». Но самой-то публике во Франции не дано слова, и право говорить от ее имени присвоили себе торгаши самого худшего пошиба.

Что же такое художественное творчество в условиях капитализма? Художником командует тот, кто платит. Вот неумолимый закон, который царит у нас всюду и всегда. И тот, кто командует, разумеется, не думает об интересах народа и преследует отнюдь не воспитательные или освободительные цели. Он командует, исходя из своих личных капиталистических интересов и своих классовых интересов. С его точки зрения хороши та пьеса, тот фильм, тот роман, которые приносят больше денег, потакают низменным инстинктам и усыпляют народ.

В первое время после освобождения Франции этот жестокий закон джунглей на какой-то момент перестал действовать. Произведения периода Сопротивления несли новое, живительное дыхание, и эти произведения узнали подлинный успех. Литература, наконец, обрела контакт с народом.

Понятно, что в «определенных кругах» такое положение сочли вредным и опасным для антидемократических устоев. Да так оно и было на самом деле. Старые буржуазные критики презрительно отзывались о произведениях периода Сопротивления. В их глазах это была «не настоящая» литература. Согласно их воззрениям, литература должна парить над политикой, над человеческой борьбой. Эти старые продажные писаки старательно занимались ремеслом, за которое им платили, выполняли роль сторожевых псов буржуазии.

Первой задачей реакции, перегруппировавшейся под эгидой генерала де Голля, ставшего символом мрачных сил прошлого, было посеять рознь в рядах борцов Сопротивления, которые заботились о прекрасном будущем Франции. Одним из самых активных заправил в подрывной работе реакции является Андре Мальро. Чего он достиг в области политики, вы знаете так же хорошо, как я. Но я хочу остановить ваше внимание на том, что произошло и происходит еще сегодня в области печати и художественной литературы.

Были приняты все меры к тому, чтобы заставить исчезнуть прессу Сопротивления. Ей отказывали в бумаге, которую тут же отдавали газетам, взявшим курс на служение реакции. И когда была искусственно создана конкуренция субсидируемых газет, поддерживаемых через банки и секретные фонды, воротилы страны умудрились поднять себестоимость в такой мере, что издание независимых газет стало невозможным. Цена на бумагу сегодня в шестнадцать раз выше, чем до войны, расходы на транспорт возросли в двадцать пять раз!

В Париже сохранилась лишь небольшая часть прогрессивных газет, которым удалось избежать краха. Самые крупные среди них — «Юманите», «Се Суар», «Аксьон», «Леттр Франсез». Но народ знает, что это действительно его газеты. Он поддерживает их с помощью подписки. Он соглашается ради них на самые трогательные жертвы. Письма, которые мы ежедневно получаем от наших читателей, вселяют в нас веру. Они доказывают нам, что мы располагаем силой, несравнимо более великой, чем та, которой могут похвастать самые крупные банки. Наши ресурсы — это любовь, неоценимая преданность широких народных масс. К ним мы обратились с призывом бороться против «демпинга» американской пропаганды, против «дайджестов» *, которые продаются у нас по цене ниже себестоимости и стали откровенной угрозой для всех отечественных журналов и газет.

Для того, чтобы истребить дух Сопротивления, недостаточно было начать наступление на прессу, реакции нужно было свести на-нет значение произведений писателей-борцов, подавить их численностью своей черной стряпни. Можно ли найти для этого более гибкое решение, чем реабилитация тех, кто в прошлом сотрудничал с врагом? Не случайно мы видим, как Франсуа Мориак собрал в журнале «Табль ронд» самых типичных предателей, таких же политических прохвостов, как и он сам. И также не случайно мы видим, как Жан Полан (бывший редактор «Нувель Ревю Франсез» и долголетний друг Андре Жида), который сперва примкнул было к движению Сопротивления, ныне стал покровителем писателей-коллаборационистов. Не случайно, наконец, мы присутствуем при позорно скандальной манифестации «Почетного комитета» во главе с членами Французской академии, требующего освобождения Петэна.

Зародыш всего этого содержался уже в речи, которую Мальро произнес в Сорбонне: «Глубоко безразлично для любого из вас, студенты, быть ли коммунистом, антикоммунистом, либералом или кем бы то ни было, потому что единственная настоящая проблема заключается в том, чтобы знать, помимо этих партийных структур, в какой форме мы сможем воссоздать человека».

Коммунист, антикоммунист, либерал или кто бы то ни было, иными словами — фашист! Абстрактный человек, о котором декларирует Мальро и для которого все идеологии равно не имеют значения, это тип человека, от которого можно добиться всего, это тип предателя.

Случайные попутчики Сопротивления Сартр и Камю в своих послевоенных произведениях отразили смятение и обреченность своего класса — империалистической буржуазии. В их книгах дано законченное выражение этого состояния. Сегодня, когда для капиталистического мира политика американской реакции воплощает единственную надежду, Сартр стал завидовать лаврам небезызвестного предателя Кестлера. Его новая пьеса «Грязные руки», поставленная теперь в Париже, — это гнусная политическая агрессия. Для Сартра моральная нечестность, оскорбительная брань, клевета стали чем-то совершенно обязательным. И старые критики больше не возмущаются. Никто из них не подает голоса, чтобы разоблачить в этом случае вмешательство политики в литературу. Книга Луи Арагона «Коммунистический человек» — это пропаганда, вопят они. А сартровские «Грязные руки» — это «настоящая литература»...

Наш итальянский товарищ Элио Витторини — талантливый писатель, но человек слишком великодушный и простосердечный — считал, что мы непомерно суровы по отношению к Сартру и Камю. Он думал, что даже у этих писателей, столь типичных для развращенной и отчаявшейся буржуазии, могли быть прогрессивные настроения, с которыми следовало считаться. События показали, что мы были совершенно правы в своей суровой оценке.

Итак, позиции, занимаемые сейчас во Франции писателями, предельно ясны. Мориак, Мальро, Сартр, Полан, Монтерлан, Жионо, Жуандо и иже с ними тесно связаны с издателями, с теми, кто платит им, с их банками, с их классом. Все вместе они выступают против людей, которые хотят жить свободными. Перед лицом этого преступного соглашения все честные представители французской интеллигенции, коммунисты или беспартийные, снова об'единяются, как в дни Сопротивления. Для того, чтобы понять это, вовсе не нужно быть обязательно коммунистом. Достаточно просто быть честным и искренним французом. В этом наша сила.

Наша воля, воля демократических писателей, тесно связанных с народом, направлена к тому, чтобы умножить удары против угнетателей человечества. Наша воля— об'единить в новом Сопротивлении рабочих, крестьян, интеллигенцию Франции, чтобы сохранить национальную независимость. Нацистам не удалось заставить нас молчать. Мы уверены, что их новейшие последователи в этом отношении добьются не больших успехов!

ПАРИЖ. Май.

* Автор имеет в виду реакционные журналы типа американского «Ридерс дайджест», миллионными тиражами засылаемого в Европу.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

В — 01743.